

ЛИТЕРАТУРНАЯ РЕСПУБЛИКА - 03(2013)

Коллектив авторов
Альманах «Литературная
Республика» №3/2013
Серия «Литературная Республика», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6493193
Альманах Литературная Республика №3 2013: Московская городская организация Союза писателей России; Москва; 2013
ISBN 978-5-7949-0418-5

Аннотация

В номере:

Поэзия

Лидия Галочкина. Белая роза
Анатолий Генералов. Карусель

Проза

Татьяна Баталова. Куст шиповника
Евгений Бузни. Привет, дружище!

Эссе, публицистика

Алла Валько. Сострадание

Вадим Максимов. Что такое человеконенавистнический тип государственности?
Размышления о причинах его возникновения и существования

Сказки

Иван Борисов. Великодушие огня
Яков Быль. Колокольчик, что взгрустнулось?

и многое другое

Содержание

Бояринов Владимир Георгиевич	7
А как иначе	7
Божий день	8
Молодому поэту	9
Во время чумы	10
Вот что я учинил	11
Земляника	12
Наизусть	13
Раковина	14
Поэзия	15
01	15
* * *	15
02	16
Белая роза	17
* * *	17
Сыну	18
03	19
Карусель	19
* * *	19
* * *	19
* * *	20
* * *	20
* * *	20
На задумчивом закате	20
* * *	21
* * *	21
* * *	21
* * *	22
Гость	22
Ретро	22
04	23
(Стихи из петрозаводского цикла)	23
Дорога на Кивач	23
Заповедник Кивач	23
Тропа к водопаду Кивач	24
Водопад Кивач	24
Конец экскурсии	24
05	26
* * *	26
* * *	26
06	27
Добрых снов, город мой Королёв!	27
07	28
Кафе «Алиби»	28
Жара	28
08	30

	Дань листопаду	30
	Последняя осень	30
	Чёрный квадрат	30
	Листопад	31
	Бродить босой по сводам потолка	31
	Пойдёмте гулять по аллеям?	32
	Может, это просто осень?	32
	Евхаристия	33
	Дождь	33
	Чётки	34
	Две звезды	34
	Дань листопаду	35
	Шаманы	35
	Гаснет костёр	36
	Солнце в отпуск ушло	36
9		38
	Давайте спорить осенью с дождем...	38
	Устремлением к цели – Кушнер на прицеле...	39
	* * *	40
	* * *	42
10		43
	Романс	43
11		44
	По пушкинским местам	44
	* * *	46
12		48
	Над Россией	48
	Невечернее Лето Господне	48
	Двенадцать лун	49
	Поступь лета	49
13		51
	Море надежды	51
	К утру...	52
14		53
	Котята	53
	Свет жизни	53
	О способах реставрации	54
	К вопросу о дождях	55
	Товарищ Город	55
	На этот раз	56
15		57
	В час, когда я умру...	57
	Шов	57
	Слово стальное	57
16		59
	Осень	59
	Константиново	59
	Осинка	60
17		61

	Молитва	61
	Полёт	61
	Полынь	61
	* * *	62
18		63
	Стая собак	63
	Ненаписанный роман	65
19		67
	С. Довлатову	67
20		68
	Пульс Москвы	68
21		69
	Малый театр	69
	История храма[3]	69
22		71
	Рассвет	71
23		72
	Два стихотворения	72
	* * *	72
	* * *	72
	Я помню, что было снежно	72
	* * *	73
24		75
	* * *	75
	* * *	75
	Твои глаза	75
	Ночное	76
	Про Вшивую горку	76
	Ничего не изменится	77
	Общество нездорово	77
	* * *	77
25		79
	Грустный день	79
	Кувшин	79
	* * *	79
	* * *	80
	Жизнь моя – качели	80
26		82
	* * *	82
	Деревенская боль	82
27		84
	Засеменила осень ранняя	84
	Осенью в лесу	84
	Не читай мысли грустные, осень	84
28		86
	Не бойтесь говорить «люблю!»	86
	Детство	86
	Я исчезну...	87
	Простит ли нас земля	87

	Воздух поэзии	87
	Не волшебница, но...	88
29		89
	* * *	89
	Женщина и кошка	90
Проза		91
01		91
	Куст шиповника	91
02		92
	Привет, дружище!	92
	Конец ознакомительного фрагмента.	104

Альманах Литературная Республика №3 2013

**Бояринов Владимир Георгиевич
Председатель Правления Московской городской
организации Союза писателей России**

А как иначе

Не разбрасывайте слов,
Попадая в уши
Респектабельных ослов,
А не в божьи души.

По крупичам этот клад
Изредка берите
И тому, кто людям рад,
От щедрот дарите.

Если спросит: «Почему
Стал я вдруг богаче?» —
Вы ответите ему:
«Ну, а как иначе?!»

Божий день

День сгорает на закате,
Исчезает без следа,
Без стенаний об утрате,
О потере навсегда.

Пусть он был не самый лучший,
Пусть не чудо из чудес, —
Это же не пёс заблудший
Появился и исчез.

Время вязкое в тумане
По наитию течёт.
Может быть, в моём кармане
Дней таких наперечёт.

Оклик, брошенный на сдачу:
– Собирайся, старый пень! —
Вдруг услышу, и заплачу:

Догорает Божий день...

Молодому поэту

Пушкина убили на дуэли,
Маяковский застрелился сам,
А Сергей Есенин в «Англетере»
Всенародным висельником стал.

Под расстрел попал Васильев Павел,
Девкою задушен был Рубцов...

Ты ещё желанья не оставил
Знаменитым стать в конце концов?

Во время чумы

«Нет, не один я был на пире!..»

А. Блок

Промерцал на званом пире
Бесенятами в очах
Станный человек в мундире:

«Честь имею! Я – Колчак!
Мы встречались на Урале?
А в Иркутске – не могли?..
Ложь! Меня не расстреляли —
Под осину подвели.
Не косись. Я не помешан.
К превеликому стыду
Я повешен! Я повешен
В приснопамятном году!
Честь воздайте, как пристало
Благородному лицу:
Пощадите адмирала —
Расстреляйте на плацу...»

Я призвал на помощь Данте.
Я призвал святую рать.
Рявкнул на официанта:
«Сколько можно?.. Расстрелять!»

Вот что я учинил

Вот что я учинил:
Уложил в безразмерный короб
Всё, что я сочинил,
И отвёз в окаянный город.

Вот что я учинил,
Когда в город отвёз окаянный
Всё, что я сочинил,
Окропляя слезой покаянной, —

Вот что я учинил:
Высек искру! — и в газовом сраме
Всё, что я сочинил,
Запылало под «Взвейтесь кострами!»

Вот что я учинил
За чертою разумного риска:
Всё, что я сочинил.
В смертных муках низверглось до визга.

Вот что я учинил,
Безоружным идя на сражение.
Вот что я сочинил,
Обречённый на самосожжение.
Вот что я учинил...

Земляника

Медведь набрёл на грибника,
И в лес погнался, пока
Грибник с обрыва не сорвался.
Он покати́лся кувырком,
Но зацепился пиджаком
За крепкий куст, и жив остался.

Висит над пропастью грибник
И замечает в тот же миг —
Внизу другой медведь возник —
Беда представилась двуликой.
От безысходности завыв,
Грибник увидел – весь обрыв
Усыпан крупной земляникой.

Держась одной рукой за куст,
Он плод сорвал...

Ах, что за вкус,
Насквозь пронизанный страстями!
Над пропастью,
на волоске
Подольше бы висеть в тоске
И землянику есть горстями!

Наизусть

Я собираюсь понемногу
В ту, запредельную дорогу.

Запоминаю наизусть
Любовь и радость, боль и грусть.

Но ветер памяти, как вишни,
Отряс классические вирши:

Храни меня, мой талисман... —
А дальше темень и туман.

Не за страницами бывшего —
Во мне *сначала было слово*.

Едва промолвишь: Отче наш... —
И расточается мираж.

Раковина

Инне Панченко-Миль

Я в руки взял её несмело,
Омыл волною голубой,
Прислушался, – она запела,
Зарокотала, как прибой.

В спираль закрученная туго
Из нарастающих колец
Она змеиста и упруга,
Великолепна, наконец.

Соль, перемешанная с желчью,
Со звёздной пылью и песком,
Знамение нечеловечье,
Глашатай в образе морском.

Какое тайное задание,
Какой пронзительный намёк
С ключом к загадке мироздания
Нам на крыльце оставил Бог!

Поэзия

01

Ветров Александр, Клин

* * *

Погоста тишина легко тоску наводит.
К любому на Земле безжалостно приходит
(Порой совсем неожиданно) прощанья с жизнью час.
Вдали идёт потомок. С плохим концом рассказ,
Конечно, и ему судьба легко напишет,
Когда-нибудь и он дыхание услышит
Крадущейся старухи, которая с косой...
Просить пощады тщетно. Вот окрик властный «Стой!» —
И кончится здесь всё. Всё рушится мгновенно.
Встречает жертву тьма. С годами, постепенно
Могила все забудут. Пройдёт один лишь век,
И под бурьяном в глине растает человек.

Умолкни, голос заунывный!
Мы не исчезнем без следа.
Поток столетий непрерывный,
Тысячелетий череда
Над нами тьмой своей не властны.
Любой уснувший в нас живёт,
И жизнь рождает ежечасно
Для новой жизни новый плод.
Так связь с минувшим сохраняя,
Привычным шествуя путём,
Себя в потомках повторяя,
Мы все в грядущее уйдём.

02

Галочкина Лидия, Москва

*«Подкрепите меня вином, освежите меня яблоками ибо я
изнемогаю от любви... уста его – сладость, и весь он – любезность».*

Песня Песней

И снова прихожу к тебе
На то же место где когда-то
Такого сильного красивого
Узнала ты приковал к себе
Словно во сне цепью из роз
Взял душу юную в свой плен
И сладкая и горькая твоя победа
Как шлейфом золотым легла
Над нашей длинной с тобой жизнью
В дверь мастерской твоей звоню
Ты выйдешь на крыльцо с улыбкой
И словно ждал меня встречаешь
Ни слов упрека ни обид ничуть
И лишь уже привычное до слез
Где ты пропал малыш мой
И уже целуешь шепчешь
Что скучал и знал что скоро
Твой малыш опять вернется
(Я ведь что – и чувства и любовь
Все напоказ как хочется быть искренней
И пылко клянусь я в преданности вечной
Тебе в твоих годах приятнее вдвойне
Давно ты сети цепкие всех чар своих
Нехитрых расстелил и рыбку ждал)
И снова голос твой и бархатный и тихий
Слова струятся нежные как шелк
И обволакивают всю так что не слышу
Ничего и только таю и плыву куда-то
Наверно в рай и каждое твое
Прикосновение приближает
Безумный страстный апогей
И силы покидают заглянуть
В твои темно-зеленые глаза
Я в них тону на самом дне
Покорно растворяюсь

Но замерли давно часы
Счастливых наших дней
Разбился циферблат

Лишь груды пепла дневников
реликвий фотографий писем
На этом месте поминальный дым
Лес обгорел в нем прятала секрет
Как счастье мы с тобой оберегали
С тех пор лишь горечь сохранилась

Кукует серая кукушка глухо стонет
Как заплачет рассыпает эхо

Белая роза

Выйди на улицу
Поклонись дождю и покорись
Слезам прозрачным и холодным
Знай это плачет небо
Когда цветок в жару изнемогает
Белая роза в ней есть плоть
Дыхание и душа а жидкость в ней
Живительная сладость
И когда усталый день к закату наклонится
Белая роза как дитя и словно ждет когда
Чья-то рука потянется к ней приласкать
Чтобы красой ее коснувшись утолиться
Белой розе что-нибудь приснится
И пчелы с птицами и бабочки с их
Несказанной красотой
Или ночной полет и как ей хочется
Взметнуться лепестками в вихре танца
К серебристым мотылькам, которым
Спать не хочется от счастья
Выйди на улицу
Поклонись вот этой ночи и покорись
Сиянию луны и хороводу звезд
И тихо зазвучат ночные песни неба
Ведь тогда цветок так крепко засыпает

* * *

Давай же милый подготовимся
Что будем мы друг другу говорить
И все-все важные слова их мы
Запишем сразу на открытках
Представь цветы какие мне подаришь
И как их в вазу вместе мы поставим

В саду отыщем пруд где будут плыть
К нам в руки золотые чудо-рыбки
Давай посеем семена любви у яблони
Водой волшебной их польем и вместе
Станем наблюдать когда они взойдут
Давай откроем все свои секреты
Во что мы верили чего так долго ждали
Просили у небес на все благословения
Давай представим как оденусь я и
Что наденешь ты на первое свидание
Прогулки под луной и как сидеть на лавке
Как скажешь мне те самые те первые слова
Чтоб голова от счастья сразу закружилась
Давай придумаем мы клятву навсегда
Жить в счастье и любви до самых-самых
Дней далеких нашей старости до гроба
Давай представим как друг друга будем
Целовать и обнимать мой милый но давай
Найдем на этом свете мы с тобой друг друга

Сыну

Ты жизнь мою, приехав, обогрел,
Зажег свечу, рассыпав счастья свет.
И дни мелькали в радостной игре
С названием давно забытых встреч.
Протискиваясь сквозь завалы лет,
Трепещущую память всколыхнув,
Как в детстве, подала тебе обед
И к взрослой голове твоей прильнув.
Тепло тех дней я в сердце все храню,
Их хрупкий свет я собрала в ладонь,
Омою душу им и лучик схороню,
Одной согреться, словно он огонь.
Середина июля
Тоскливо в тишине теперь и только тьма густеет
Поторопись пока не поздно поскорее после спать
Скажи своим совсем немного слов сегодня все же
День долго длился душный полдень дальше дождь
И струи чистые прозрачным частоколом часто так стучали
В окошко около крыльца на ветках листья трепетали
Вода стекала по ступенькам, и скользко становилось так
Смолк летний ливень – любит июль ленивый веселиться
И долгожданный отдых другу солнцу поднести в подарок...

03

Генералов Анатолий, Саратов

Карусель

Детства мечта – карусель:
Красно-зелёные кони
Рвутся догнать лебедей
В нетерпеливой погоне.
Ветер навстречу летит
И вылетает из круга:
Столько наездников мчит,
Не замечая друг друга.
В каждом ликует герой!
Вспомню ту радость,
И– грустно...
Кружится с осью земной
Детство
В родном захолустье.

* * *

Ну, кто же сегодня не пишет о Боге?!
Я тоже писал. А зачем – не пойму.
Нашествие моды: ко Храму дороги
Мы строим не сердцем, а лишь – по уму.
Боюсь разувериться в святости слова...
Какая-то странная стадная новь:
Красива, богата, сакрально-сурова,
Но так лицемерна
Там к Богу любовь.

* * *

Я понял вдруг: за близкой далью —
Конец пространству.
Где же ты?
Густеет ночь, грозя печалью
И нереальностью мечты.
А мне дожить бы до рассвета,
Не нужно дали никакой.
Весь мир – лишь ты!

Пространство это
Неисчерпаемо с тобой.

* * *

...Ветер ревности песней о грусти
Нам не станет в окошко стучать,
Наша радость сомнений не впустит,
Да и как наши руки разъять?
Мы на сердце не копим упрёки,
Мы равны, как две капли воды.
А любовь задаёт нам уроки
И сама же хранит от беды.

* * *

Я раньше не думал, что зрелость красива:
Не то, чтобы в тридцать – во все пятьдесят!
У женщины зрелой и взгляд неспесивый,
И тоньше улыбка, и строже наряд.
И в облике столько душевного лада!
О, мудрая женственность – тайна тепла!
Ужель, чтоб любить, мне состариться надо?
Так зрелость твоя хороша и светла.

* * *

С небес обрушившийся грохот
Прижал к земле густую мглу.
И торопливой влаги ропот
Прошёл обильно по стеклу.
Кому сей дар?..
Слепое благо!
И от него я слепну сам.
И не хватает лишь полшага —
Доверить душу небесам.

На задумчивом закате

На задумчивом закате
Вяз стареющий спокоен.

Словно мудрые улыбки,
В грусти он роняет листья.
И под крепкими ветвями
Костерок из красных листьев
Запылал – и согревает
Золотым теплом округу.
...А когда ночная свежесть
Озарится лунным светом,
Хорошо стоять под кроной —
Слушать хриплый голос вяза.

* * *

Печаль высокая от исповеди есть...
И снова жизнь мне дорога до боли.
Не зря живёт в душе Благая весть:
Твори себя, как Сын,
По доброй воле.

* * *

Лучик солнца, словно свечка,
Освещает глубину.
Косогор уткнулся в речку.
Тени ползают по дну.
И пока я наблюдаю
За речным житьём-бытьём,
По теченью уплывает
Утомление моё.
Вслед за ним плывёт коряга —
Колченогой кочергой...
Жизнь, как добрая дворняга, —
И не надо мне другой!

* * *

Пора взглянуть на Млечный Путь.
А вдруг и впрямь мой вздох земной
Когда-нибудь, когда-нибудь
Коснётся звёздочки живой.
Не говори, что это – бред.
Не надо думать о простом,
Когда звезда мигает вслед

И замирает перед сном...

* * *

Я люблю стихи читать и слушать.
Но, дивясь на строчки-кружева,
Хочется сначала видеть душу,
А потом – осмысливать слова...

Гость

Нынче гость ко мне явился пьяный.
Он сияет – что там медный грош!
Выпил водку, словно сок медвяный,
И теперь – действительно хорош!
Не резон на «здрасьте» не ответить,
Я тяну слова – и вкось, и вкривь,
Словно сам себя запутал в сети
И стою, растерянно-тосклив.
На лихое слово гость мой жарок,
Он – герой,
Ну, прямо хоть куда.
Лезет в душу:
– Ты мне, как по-да-рок!
Я – подарок? Что за ерунда...

Ретро

Поутихли печали,
Пир желаний влечёт
В неоткрытые дали,
За крутой поворот.
И случайный, и славный
Старой песни мотив:
«Это было недавно...» —
Душу вновь захватил.
...Никуда нам не деться —
Как ни стало б темно,
Отзывается в сердце:
«Это было давно...»

04

Дубинин Александр, Москва

(Стихи из петрозаводского цикла) Экскурсия на Кивач

Дорога на Кивач

Вокруг деревья, камни, озёра, островки,
Мосты, что протянулись над руслами реки.
За городом приволье, машин немного здесь.
Суровая природа, но люди тоже есть.
Стоят дома, деревни между камней, болот,
А рядом ходят люди, копают огород.
Дорога холм пронзает, здесь каменный откос,
А вот и луг широкий, здесь летом есть покос.
Железная дорога столбами путь ведёт,
А рядом с Кондопогой есть каменный завод.
Дорога лентой вьётся, вокруг карельский лес.
В шлагбаум путь упрётся, что перед нами влез!

Заповедник Кивач

Бревенчатые домики, бревенчатый забор.
Шлагбаум на дороге есть, а перед ним затор.
Выходим из машины, осмотримся вокруг.
Деревья, их вершины стремятся в небо, друг!
Проходим по дорожке в избушку, где музей.
Здесь разные витрины диких и зверей.
Карельская берёза, карельский минерал,
Есть бабочки, стрекозы, всё кто-то собирал.
Вот лось стоит в витрине, ну, прямо как живой!
Показывают фильмы, как зверь спешит тропой.
Выходим из музея, а здесь деревья в ряд.
С названиями таблички прям рядышком стоят.
Здесь сосны и осины, берёзы и дубки
По-своему красивы и ветками легки.
Аллея пихты стройной и лиственницы ствол,
Который без иголок зимой бывает гол.

Тропа к водопаду Кивач

Вот, наконец, и лестница ведёт на водопад.
По ней мы вниз спускаемся спокойно, дружно в лад.
Внизу сплошные камни, откосы и ручей,
А шум от водопада всё ближе и слышней.
Гремит в округе дикой суровый грозный шум.
Так водопад карельский пугает трезвый ум.
Выходим на площадку и смотрим с высоты,
Вокруг растут на камнях деревья и кусты.

Водопад Кивач

Под рёв воды текучей между гранитных круч
Живёт Кивач могучий, прекрасен и гремуч!
По каменным ступеням из тихого пруда
Срывается в пучину кипящая вода!
Широких три ступени, предшественники круч,
Ведут поток к обрыву, что грозен и могуч!
И в узкое ущелье без всякого труда
Срывается во гневе великая вода!
Тех струй поток суровый несётся бурно вниз,
А рядом с водопадом площадка, как карниз.
На ней застыли люди, и смотрят все туда,
Где буйствует на воле великая вода,
Что с грохотом и рёвом несётся вниз со скал!
Седой и беспощадный природных сил оскал!
И, лишь когда сорвётся в пучину без следа
И в брызги разобьётся свирепая вода,
Тогда она устанет, угаснет её пыл
И разольётся в заводь. Я знаю, я там был.
Заполнит гладью водной долину между скал,
И тихую рекою Кивач в итоге стал.

Конец экскурсии

Назад мы возвращаемся, по мостику идём.
К началу добираемся, усталые бредём.
Среди дорожек ровных под крышами стоят
Палатки сувениров для взрослых и ребят.
Пройдём мы между ними и в каждую зайдём,
Посмотрим сувениры и что-нибудь возьмём.
Шкатулка из берёзы карельской и шунгит
В браслете, ожерелье. Из дерева магнит.

Но день к концу уходит и нас с собой ведёт.
К концу уже подходит наш сказочный поход.
Мы к выходу стремимся, где нас машина ждёт,
В салоне разместимся, назад нас повезёт.
Прощай, Кивач! До встречи! И ты, карельский лес,
Что соснами отмечен высокими окрест!

05

Ильина Инесса, Москва

* * *

Я для тебя – разменная монета.
И это тоже повод для стихов.
Слаб человек в плену земных оков.
Что наша жизнь? Сон – от зимы до лета.

Есть Высший Суд. Он много-много выше!
И предыстория у всех своя.
И мы, в миру – песчинки бытия,
И кажется, что нас Господь не слышит...

Земные блага – старая ловушка.
Земные связи – следствие причин.
Бессменно правит бал Судьба-кукушка.
Надменна Вечность. Человек – один.

* * *

Твой тунисский загар
Мне напомнил о странствиях дальних.
И в груди защемило
Знакомое чувство дорог...

И осенний угар
От задымленных трасс магистральных, —
Словно дым от кадила,
У входа в прекрасный чертог.

Я стоял у порога,
Смущённый, счастливый, незванный,
И усталого Бога
Смиренно о чуде просил:

– Унеси меня, Боже,
Хотя бы на день, к океану,
Но вернуться домой
У меня, чтобы не было сил!

06

Кокорина Зинаида, Королёв

Добрых снов, город мой Королёв!

Дымкой розовой сумрак коснётся домов,
С крыш высоток вдоль стен заструится.
Окунётся в покой город мой Королёв,
Чтоб в вечерней прохладе забыться.

Отпыляет на окнах багрянцем закат,
Подпитает озоном аллеи,
Сдует свежей струёй едкий смог с эстакад
И румянцем в витринах зардеет...

Пролетит электричка по рельсам стрелой,
Отстучит. Тишина станет звонче...
Из Москвы королёвцы вернулись домой.
Поздно день трудовой их закончен.

Подобрать запоздавших автобус готов.
От Подлипок к проспекту спешит он.
Всех приезжих встречает Сергей Королёв
С пьедестала в убранстве гранитном.

Вечер синим мазком зарисует закат,
Сны прохладой ночной освежая.
Спят деревья, дома... И вахтёры пусть спят.
Добрых снов тебе, город, желаю.

07

Колганов Борис, Москва

Кафе «Алиби»

Александру Дубинину

В полумраке подвальчика «Алиби»,
Занимая за столиком столик,
Стихотворцы являются на люди,
Доказать, что чего-то да стоят.

Кто прошепчет стихи, а кто бросит
Фейерверк из пылающих строчек,
Верно, та повздыхает про проседь,
Тот о дури людской прохохочет.

А пока там о зайке читают,
Чтобы счёт до пяти был не гулким.
И дивятся невиданной тайне
Хэппи-энда обычной прогулки.

Вот ведущая с маленькой сценки
В двух словах объявила начало.
Приглашая озвучить нетленки,
Села рядышком с фрэша бокалом.

И мгновенье застыло на месте,
Лишь звенит перетянутым нервом.
Победитель ещё неизвестен,
Но сейчас вот объявится первый.

И на миге последнем секунды
Я подумал довольно резонно:
Нет мне алиби в жизни, покуда

Я – причастен! Иду к микрофону.

Жара

Я хочу в этот лес, где в лучах золотого тумана
Поднимаются к небу сосны корабельной стволы,
И свивается с тёплым дыханьем тимьяна
Опьяняющий запах нагретой на солнце смолы.

Но тянуло с востока пугающим запахом пала,
Что ни день – дым по лесу бродил. И жара без конца.
Одинокая Вега ночами на небе стояла,
И хрустел под ногами иссушенный лист чабреца.

Я хочу этот дождь, что сбежал от рассеянной тучи:
Это значит: грибы на подстилке лесной прорастут.
А я утречком встану, и чем раньше – тем лучше,
И с корзиной грибной уйду на заветный маршрут.

Но пылала на небе всему равнодушная топка,
А воды в облачках не достало б на писк комара.
И порою мерещилась в мороке зыбкая тропка
К повелителю мух, его пекло – не зной и жара.

Видит Бог: я ещё погощу в тех зелёных хоромах,
И сольюсь я с рекою, наполненной светлой водой,
Обомлею от взглядов семи черноглазых черёмух,
И услышу, как птицы звенят над моей головой.

08

Крючкова Александра, Москва

Дань листопаду

Последняя осень

«Всё это – Осень! – кричали мне Птицы. —
Холод в глазах, отчуждение, усталость,
И кажется, что... ничего не осталось,
Но это – лишь кажется! – всё повторится!»

«Всё это – Осень! – за окнами Ветер
Пел мне: – А знаешь, на юге далёком,
Счастлив и тот, кто здесь счастья не встретил,
Но Лето вернётся в мгновение ока!»

«Всё это – Осень! – Дождь плакал на крыше. —
Страх безысходности, мысли о смерти,
Слёзы и грусть всей земной круговерти,
Но всё ещё будет, любимая, слышишь?»

С ними я спорить напрасно не стала...
В скорби спросил меня: «Любишь?» – «Да, очень...»
И только Листва под ногами шептала:
«Ты знаешь, что это – последняя – Осень?»

Чёрный квадрат

Застыло всё в преддверье перемен...
Со всех сторон – предвестники потери,
И в замкнутом пространстве хмурых стен
Витает дух депрессий и истерик.

Предчувствие сжигает на кострах
Надежду, Веру и Любовь, вступая в осень,
И расстилается туманом в сердце страх,
И веет пустотой от слова «после».

Перед глазами – чёрный лишь квадрат
Без бликов, без оттенков светотени,
И, кажется, никто не виноват,
И ...виноваты все ... без исключений.

Листопад

Вступлю в осенний листопад
Рыжеволосою блудницей...
Люби меня, как любит брат
Свою несносную сестрицу.

Костры горят который день,
В них прошлое сожгу я смело!
Люби меня, как любит тень
По жизни данное ей тело...

И на ладонь — листочком — вздох...
Благослови моё паденье!
Люби меня, как любит Бог
Собственноручное творенье...

И кисть запляшет на холсте —
Запечатлею штрих твой каждый...
Люби меня, как любят те,
Кто через Смерть прошёл однажды.

Бродить босой по сводам потолка

Погода настроению под стать...
Всё скоро станет безразлично серым.
Ты мне из всех казался самым смелым,
Пойдём со мной! Здесь нечего терять!

В последний день двадцать восьмого лета
Запишем в память новую строку:
Давай ходить с тобой по потолку? —
Мне надоел скрип половиц паркета.

Осточертело падать на постель,
Давай падения перенесём мы в небо? —
Там облака — сплошная акварель,
В которой утонуть хотелось мне бы.

Сегодня только или никогда,
Мир перевернут был, любимый мой, не нами.
Зачем же пошлыми тебе играть словами?
Кивни мне просто в знак согласия «да».

Тебе не буду предлагать я дважды,

Тебе так страшно? Ставишь мне в вину...
Быть может, истина известна лишь тому,
Кто сумасшествие познал, увы, однажды.

Уйти в себя – возможно, тоже путь.
Ну что ж, прости, считай, я пошутила.
Я и тебя заранее простила,
Да и сердилась разве что чуть-чуть.

А к ручке двери тянется рука
Осенней меланхолии бездонной...
Я скоро буду отчуждённо-сонной
Бродить босой по сводам потолка.

Пойдёмте гулять по аллеям?

Пойдёмте гулять по аллеям?
Октябрьский воздух свеж...
Картины листвы – галереи:
Бордо, золотистый беж.

По мягкой ковровой дорожке,
По-детски забавно шурша,
Я Вам расскажу понемножку,
О чём тосковала душа.

Смотреть на осеннее небо
Сквозь ветки каштанов и лип...
Придумаем сладкую небыль,
Не снятый – пока ещё – клип:

Я в нём стану Вашей царицей,
И счастьем наполнится смех —
Кружиться над городом птицей
И падать, как первый снег...

Пойдёмте гулять по аллеям!
Бордо, золотистый беж...
Картины листвы – галереи
Последних моих надежд...

Может, это просто осень?

*«Я теперь скупее стал в желаньях,
Жизнь моя! Иль ты приснилась мне?»
С. Есенин*

Я кричала, словно птица, —
Рушились мосты.
Может, жизнь мне только снится,
Как приснился ты?

Не о том тоскую вовсе,
Плачу-не о том!
Может, это просто Осень
Постучалась в дом?

Наизнанку – душу – платьем,
Сердцем – на износ...
И рыдала Божья Матерь,
И молчал Христос...

Евхаристия

*«Не больна мне ничья измена,
И не радует лёгкость побед...»*

С. Есенин

Осени касается рука
Таинством прощальных евхаристий...
Мне любить тебя издалека
Нежностью вальсирующих листьев.

Паутинки разрывая нить,
Дождь ласкает выпцветшие крыши...
Я давно смогла тебе простить,
Что – не мною – ты живёшь и дышишь...

Ждёт меня безмолвный кинозал,
Ждёт перрон незримого вокзала...
Всё, что я могла тебе сказать,
Я давным-давно тебе сказала...

Дождь

Не тревожь ты меня, не тревожь!
По убитым – уже не стреляют!
Кто-то мокнет сегодня в дождь —
Я сегодня – с Дождём – гуляю...

И так ластится нежный Туман
Приобнять необъятную Землю...

Помолчи... Всё земное – обман...
Помолчи... Я земному не внемлю...

Растворится скупая зола,
С грустью вспомнят и выдавят с ядом:
«А когда-то... она... жила,
И ведь кто-то был с нею рядом...»

Чётки

Захлебнувшись симфонией – си бемоль
Жизни – в подземных слепых переходах,
Где мёртв циферблат, столь похожий на ноль,
А. стрелки застыли на прожитых годах,

Бежала в тумане на вечный огонь —
Мой запах из детства – лампад и кадила,
И пули свистели – ловила в ладонь
И вместо себя их бросала в могилу,

Алисой скрывалась в Волшебной Стране,
Почти неприступной, красивой и горной...
А кто-то всё ждал новостей обо мне
В коробочке красной да с ленточкой чёрной.

Бог Осень так любит – вернётся едва,
Из яблочек райских печёт Ей шарлотки...
Играют – на виселицу – в слова,
И звёзд – нанизывают – на чётки...

Две звезды

Клёны в парке шепчутся не зря:
Предвещает – листьев вальс – возмездье.
Две звезды соединить нельзя —
Каждая живёт в своём созвездье.

Но красив осенний листопад...
На дорожку померцав немного,
Две звезды, вальсируя, слетят
Обвенчаться на ладонях Бога.

16 октября 2009

Дань листопаду

Отбросив ворох сожалений
В костёр, зажжённый в листопад,
В туманной нежности осенней
Не обернусь с тоской назад,

Без приседаний на дорожку,
Без песнопения молитв
Мы все уходим понемножку
На зов в последнюю из битв.

Пиши-звони... И в дальнем крае
К тебе я – ближе, чем ты сам...
Мой голос был смертельно ранен,
И сердце тянется к весам.

Мне в Зазеркалье свяжут тени
Для сладкого забвенья шаль,
Забудь и ты, как в день осенний
Кричит пронзительно Печаль, —

Зажги по ней в углу лампаду...
Устав от бренной суеты, —
Настанет день – в дань листопаду —
Сорвёшься к небесам и ты...

Шаманы

Пляшут в ночи шаманы,
Заговорив огонь...
Осень зовёт в туманы,
Тянет ко мне ладонь.

Кто-то шагает в ногу,
Кто-то выходит из...
Листья взлетают к Богу,
С клёна срываясь вниз.

Время подходит к чаю.
В прошлое нить тонка...
Я по тебе скучаю,
Жду твоего звонка.

Гаснет костёр

Сладко поёт и стрижёт Беззаботность
Мысли про «завтра» – под ноль!
С лёгкостью выдаст вот-вот мне Бесплотность
В небо заветный пароль, —

Гаснет костёр... Все закончились листья,
Ждёт – не дожётся Сень, —
Радугой – душу мне – беличьей кистью, —
Числа – люблю – на 7.

Тайнам иным – «Подожди!» – Сопричастность
Звонко кричала мне вслед, —
Двери распахнуты настежь – опасность!
Вновь мотыльком – на свет!

Только успевай! Напой меня, Нежность!
Жадно целуя в уста! —
Слышишь? Почти досчитала Безбрежность
То, что считала до ста.

Скоро прокатится в городе громом
Дьявольский алчный смех,
Лишь догорит мой костёр, в невесомом —
С искрой последней – вверх.

Знает, он знает: закончились листья!
Душу проверит на тьму, —
Радугу – срочно! – и беличьей кисти!
Чтоб не досталась ему.

Солнце в отпуск ушло

Солнце в отпуск ушло —
Солнцем станешь мне ты,
Эта осень – не повод стучать в небеса.
Подождёт эшафот —
Нам возложат цветы
Те, чьи здесь неизвестны пока голоса.

Губы – тестом на ложь,
Годы учат любви,
Осень – вовсе не повод спуститься на дно.
Старых ран не тревожь,
Вопреки се ля ви

Перепишем сценарий – пусть снимут кино.

Мы станцуем на бис —
Тротуары в тоске,
Осень – повод взорвать тишину сонных масс.
Улетим и без виз,
На почётной доске
Нашим лицам светить и светиться за нас.

Параллельность дорог —
Плен иллюзий пути,
Осень – повод задуматься о чудесах.
Город прячется в смог,
И уже без пяти
От тебя до меня на астральных часах.

9

Летнева Татьяна, Москва

Давайте спорить осенью с дождем...

«Лондонит» за окном,
Туманами «молочит»,
Промозглостью страшит,
Бесстрастностью морочит,
Дождями ворожит... Вот осень...
Без радуги, без просини.
И вносит в будни серость,
Порочит «блуднями»,
Тревожит судьбами...
Листву нахально прилепляет
К подошвам, сапогам...
Назойливо всё шепчет нам,
Назло стучит дождём... не дам...
Согреться вашим чувствам.
А я тоскую по твоим рукам,
По тем, несказанным словам...
О шепоте бесстыжем и губам,
О теплоте горячей и приливам,
В дыхании молчания – вода...
Желанье и в нежелании... о, Лада,
Сомнение – осенняя прохлада
Кружит однообразием и звуком,
Словами вечности из шести букв,
Что сотканы из мук разлукой,
Но живы только встречами,
Сближением бесстрашия помечены.
Пока мы живы, пока мы не умрём...
О счастья спорить... осенью с дождём,
На расстоянии или в разлуке,
В любое время, ночью, днём
Хотелось бы... только вдвоём.
Если печаль свою рассказывать
Деревьям, птицам и ручьям,
Нашептывать ветрам о бедах,
Она вольются каплями в морЯ,
Несчастья заберет в себя Земля,
Грусть и тревоги, и сомнения...
Пусть одиночество повсюду и всегда,
В тебе, в других, внутри и вне,
Но ожиданием искры во мгле,
Скрытым смыслом тайных снов

Придет опять желанная Любовь.
О счастии спорить ... осенью с дождём
Бессмысленно, скажите?
Молчите вновь. Мы подождём...
Только Любовь – всё та же истина.
Реальность, Жизнь и Мистика.
Пока мы живы, пока мы не умрём,
Давайте спорить осенью с дождём...

Устремлением к цели – Кушнер на прицеле...

В рамках литстудии «Некрасовка». В поэтических посвящениях Александру Кушнеру – внутренний диалог – использованы цитаты из сборника стихов Александра Кушнера «Таврический сад». Строки цитат взяты в кавычки (с).

*«Не проси облегченья
от любви, не проси.
Согласись на мученье
и губу прикуси. »(с)*
Ты не любишь меня, я знаю...
Просто играешь, в себя влюбляя.
На край бездны зовёшь. Неизвестность пугая.
Там терпения нет. Шаг вперёд – и в кювет.
Кто прошёл сквозь утраты, всё знает.
Как страдание постигать, умирая...
Память прошлым болит... и близким.
Чувств доказательства... немые записки...
На бумаге, в эмоциях, в мыслях, на Небе —
Маслом с солью в чернушном хлебе.
Быть крылатой – ветер потерь с тобой,
Нутром чувствуешь – безутешной судьбой.
Любить – страх и бесстрашие рядом,
Говори, говори, нет, не надо...
Верить в любовь – итог звездопада.
Осень. Листва золотая. Влетает тоска.
Рисунком прожилок у глаз и виска,
Покаянием грешницы и слезой...
Желанием быть только с тобой...
Арапчонком в ночи. Нет, помолчи...
*«Не проси облегченья
от любви, его нет.
Поздней ночью – свеченье,
днем – сиянье и свет.
Что весной развлеченье,
тяжкий труд к декабрю.
Не проси облегченья
от любви, говорю. »(с)*

Истосковались губы, в них дрожь желания,
Тишь ожидания копить – сближения искус,
Как хочется прильнуть, испить твоё дыхание —
Напиток страсти обостренных чувств...

Разве пустяк? И нежность, влажность, шёлк...
А если резко и наоборот? Скривился рот...
Как ветер рыщет, ищет жертву – голодный волк...
Познать в себе охоты жажду, её круговорот...

Загадочность тоски! Вот обронила взгляд...
Кольцом – за Искру скрытого восторга,
Истомой, чувством, памятью – назад —
Невозвращением немислимого долга.

Чтоб испытать таинственности жизни смак,
«Томи, загадочность, притягивай, пустяк!»(с)
Не бойся обгореть в пылу неузнанных страстей
И доверяйся искренне Любви, и только ей...

«Чем лучше женщина, тем ссора с ней громадней»(с)
Ушла, не обернувшись. Страхом обожгла. Ещё досадней.
Кем рождён любви потаённый, мучительный свет?
Где боль шевелится ядом обид, там расцветности нет...

Проникать в чужие миры, меняться местами – секрет...
Громогласность – ад. Раздражение – притяжение бед.
В пылу дерзости не занимать, мыслью осечься задней...
Слов о любви не хватает, как о ней промолчать складней?

Решительность ветра вернулась сомненьем в тебя...
В колодезь души, в глубину темноты – эхом – всё зря!
Слетать с «катушек», с сердечных вершин скользить —
Границы дозволенного, барьеры любви – тормози!

Отпускаю – иди! На... все че-ты-ре стороны!
Ты – океана волна, жар огня. От тебя без ума!
Только с тобой час, день и ночи ночей все отрадней...
« Чем лучше женщина, тем ссора с ней громадней». (с)

Чем отчуждение убить? В поцелуях его утопить...
Целовать, целовать... Чувственностью догонять...
Все забыть и на дно... поцелуями умирать...
Смотри! Зацелованной ссоры теперь не узнать...))

* * *

Борис Пастернак написал:

«Быть знаменитым – некрасиво», (с)

Александр Кушнер продолжил:

«Быть классиком страшно, почти неприлично»(с)

На самом деле, неправда всё... Привычна
Истина юноши, на младенца устах.
Хочется восторгов и восклицаний... Ах!
Настоящим, ярким оставить свой след —
Неизлечим человек от соблазнов-побед.
Всё и вся... От малого до великого
В пространстве, в памяти, книгах ли...
Запечатлеть индивидуальность свою
Ощущениями смысла и чувств наяву.
Хочу – после смерти и в строчках-словах,
Чтоб вспоминали, читали вслух,
Молчали и углублялись, вздыхая... Ах...
Он не похож на всех нас... разве пустяк?
Запоминается, словом врезается как!
Вписаться в века? На! листы Вечности
Словами нетленной любви – человечности.
Скромно молчим, тайно желаем...
Пока живы – хотим, нас не будет, кто знает?
Вот и я... заболела, забрюхатила Кушнером,
Ни с кем не была и не буду послушною...
А Кушнер сказал:
*«Быть классиком – значит стоять в шкафу
Бессмысленным бюстом, топорища ключицы»(с)*
Вот это да! Здорово! Непривычно!
Знакомо желание? Перехватило дыхание.
*«Так чучело ставят: бекаса, сову.
Стоишь вместо птицы»(с)*
Вдохнуть или испытать словесной водицы?
Раньше летал – летала, а теперь что случится?
Смятение чувств подменить борьбою Кун-Фу?
Спортивным духом потопить злодейку – судьбу?
Время – забвение или бессмертие – времена?
А в них сУдьбы и вереницы имен... Имена
Тех, кто жил, раздумием мучился и любил.
На эстафету классиков Кушнер – забил!
Запоминают памятью сердца только ТАКИХ —
Из страны интуиции, а не глухих....
Они вырываются из несбываемых снов...
*«У счастливой любви не бывает стихов,
А несчастная их не считает»... (с)*
Тоже Кушнер сказал.
Нашел тот, кто искал. Теперь знает.
Кушнер сегодня – устремлением к цели —
В душе моей открыт и горит на прицеле.

* * *

«Белая ночь со спущенным чулком...»(с)

О, это Питер и июнь,
Еще Любовь...
О, Господи, спросили вы о чём?
Чулки, чулок, чулком? Нет, незнаком...
Я буду думать, но потом, потом...
Когда отлюбится и отболит...
И улизнёт тайком,
Когда кожа змеи сползет с души,
Оставит пшик...
Без одиночества, тоски и даже без улик...
Ночь белая, НО БЕЗ НЕГО... и он был в белом...
Я на асфальте напишу обычном мелом,
На Невском – не привыкать быть смелой...
И переставлю в строчке слова от Кушнера
Ночь белая *«со спущенным чулком...»*
Нет, не забыла... ни о чём, нет, не фантом...
А то, что больно, пустяки.... И истина в простом...
Всё было только сном, всё было сном...

10

Лысенко Виктория, Москва

Романс

Из рассказа «На орбите надежды»¹

Возле сосен и елей
Воздух чистый и свежий,
Там выводят аллеи
На орбиту надежды.

На орбите надежды
Безгранично пространство,
Здесь мы будем, как прежде,
Вместе слушать романсы

О душе, что бессмертна,
О судьбе беспощадной,
О спасительной вере
И о Родине нашей.

О любви роковой
Зазвонят две гитары,
Молодец удалой
Рвётся в терем отрады.

Заблестит на волне
Серебром лунный лик...
Не жалея коней,
К «Яру» гонит ямщик.

И охватит нас радость,
Словно в юности вешней,
Мы забудем про старость
На орбите надежды.

¹ Рассказ Виктории Лысенко опубликован в журнале «Юность» № 10, 2012 г.

11

Максудов Юрий, Москва

По пушкинским местам

Иосифу Теодоровичу Будылину и всем хранителям Слова Поэта

К обители Поэта,
словесности столпа,
Приходит по билетам
ценителей толпа.
Закована в кавычки
«... народная тропа»,
Буклетов из страничек
размерена стопа.
Под рамки и багеты
исписаны листы,
Развешаны портреты —
музейные холсты.
В рабочем кабинете
след росчерка пера,
На ножках табурета
ушедшая пора.
От мамушки Арины
из ветхой старины
Воспетые былины
про праведные сны,
Про подвиги и битвы,
про храбрых удалцов,
По стойкость и молитвы,
про добрых мудрецов,
Про невидаль земную
в заморском далеке,
Про рыбку золотую
и бедном рыбаке,
Про злобную царицу,
семи богатырях,
Про спящую девицу
с невинностью в устах,
Про дуб уединенный
и цепи, что на нём,
Про путь неизреченный,
что не отдать внаём.
Внимает ум пытливый
у пылкого птенца,
Поднявшись горделиво

из царского сельца.
Витая с колыбели
из детских светлых снов,
Разносит ветер трели
ловца созвучий слов!
Заброшен невод в волны
в надежде на живца,
Вельможи недовольны
проказами певца.
Направят из столицы,
по ссылке налегке
На южные границы
в рубежном далеке.
Там витязей дружины,
в державу на дозор,
Выводит из пучины
сам дядька Черномор.
Давнишние преданья,
дела минувших дней,
Проходят испытанья
правдивостью своей.
Там берег в синем море,
где Воронцов-старик
Дворец у Лукоморья
блистательный воздвиг.
Задиристый повеса
поэт попался в сеть!
Судачит вся Одесса:
«Так в этом что-то есть!»
Он вместо оправданья,
за честь свою раним,
Оставил пожеланье
любимой быть с другим.
Графини, точь гусыни,
лепечут всякий вздор,
Их чинные мужчины
красны, как помидор.
На площади Сенатской,
созреет термидор.
И вольности бунтарской
подпишут приговор.
Он узникам томимым,
что были прежде с ним,
Как факел негасимый,
зажжет свободы гимн!
Поэта путь в пустыню
направлен ныне взор,
Под крылья Серафима,
где дремлет Святогор.

Над дымкой звездной пыли,
возвышенный шатер,
Руслану и Людмиле
послушен Черномор.
Прекрасна речь у гида,
читаема глава,
Витают в здешних видах
знакомые слова.
В усадьбах барских судеб —
быт рабского труда,
От гнева не остудит
вид старого пруда.
Грабителей нажива
сгорела вся дотла.
Латают книгу жизни
хранители тепла.
Руками их согреты
листаемы поля
И гением поэта
воспетая земля!
Скамейка у аллеи,
где витая лоза,
И в лике из камеи
лучистые глаза.
Здесь чудное мгновенье
у вечности в гостях,
С восторгом вдохновенья,
с любовью на устах!
Но в лире сокровенной
таится глубина,
Под тяжестью Вселенной
в себе погребена.
От мамушки Арины
сказаний с древних пор
Хранят покой вершины
святых заветных гор...

* * *

Летели лет метели,
минуло двадцать лет.
В отстроенном отеле
продолженный сюжет.
В деревне, что Бугрово,
горит уют свет,
Закаты здесь багровы,
и радостен рассвет!

Для милой Акулины
раздвинулся «Кордон»,
И кустики малины
смешали явь и сон
Здесь живо всё и ново,
здесь Гейченко – гигант,
Художника Быстрова
расцвеченный талант,
Здесь сам возница Пушкин!
творцов стихов толпа.
К Поэту на опушке
проложена тропа.
От Бога дар имея
глаголом жечь сердца,
Доныне слово греет
искусного творца!
В стихии нет гордыни,
что рвется на простор.
Словесности святыни
слагается узор!

Пушкинские Горы 1993, 2013 г.г.

12

Маркова Ирина, Москва

Над Россией

Над Россией звёздный шёпот,
Над Россией звёздный свет,
И веков ушедших опыт,
И печаль ушедших лет.

Небо словно наизнанку —
Плачет майская гроза,
Над Россией спозаранку
Богородицы слеза.

Голубь сизым оберегом
Над Россией пролетал,
Месяц Ноевым Ковчегом
Над землёй Российской встал.

... День поставил многоточье...
Успокоилась гроза.
Превратилась в звёзды ночью
Богородицы слеза.

Стелет небо свет лучистый
После стольких бурь и гроз —
Богородицы Пречистой
Океан алмазных слёз.

Невечернее Лето Господне

Вкрадчиво движется терпкое лето,
Вкрадчиво движется время беспутное,
В воздухе носятся дни и сюжеты,
В воздухе носится вечность подспудная.

Тают глаголы и рвутся без меры,
И угасают в неясной печали,
Плавает облако искренней веры —
Той, что витала над миром вначале.

Там, где вначале рождается слово,
Где, вопреки бытовому ненастью,

Плавает время над веком сурово,
Тает в словах позабытое счастье.

Там обретается вечное слово
И устремляется вдаль издалёка,
Там зарождается вера Христова,
А иногда угасает до срока.

Чтобы не гасло, не таяло лето —
Лето, парящее в мире сегодня,
Светит звездою над пропастью где-то
Вновь не вечернее Лето Господне.

Двенадцать лун

Двенадцать лун гуляют в поднебесье
За целый год с заката до утра,
Двенадцать раз роняют в перелесье
Свет волокнистых нитей серебра.

Восходит сон над озером и лесом —
Луны печальной обруч золотой.
Под тёмно-синим яблочным навесом
Готовит полночь диких трав настой.

Приходит тишь на смену майским грозам,
Приходит и во сне, и наяву.
... И лишь лучи стекают по берёзам,
И с тонких веток капают в траву.

И капли растекаются по маю,
Сияют тусклым блеском серебра,
А я движение лун не понимаю,
И тихо уплываю во вчера.

Поступь лета

Ещё не зной, но соловей
Уже торопит поступь лета.
Из-под насупленных бровей
Роняют тучи горсти света.

Весёлый шум идёт с утра,
И полдень свечкой догорает.
В футбол играет детвора,

И время мячиком играет.

Ещё сирень не отцвела,
И стрекоза летает ленно.
Нет ни кола и ни двора
У суток, мчащих во Вселенной.

Май отцветёт, но не сейчас —
Нет у природы передышки.
... И погрузневший старый вяз
О том узнал не понаслышке...

Об этом знает старый клён
И ливни в громовом раскате.
... Лишь полдень, солнцем опалён,
Не хочет слышать о закате.

Но своевременный итог
Подводит время жизни тленной.
... Лишь неизменен Вечный Бог
Во всеобъемлющей Вселенной.

13

Меркулова Элла, Москва

Море надежды

Когда с тобой случилось горе,
И безысходность впереди,
Спасенья нет. Но рядом море,
Ты молча на море иди.

Ты в море не ищи покоя.
Пусть волны пенятся, и шквал
Вздымает их. А волны, стоя,
Гремя, как гром, и волком воя,
Бушуют, как девятый вал.

И лучше, если сильный ливень
Обрушит мощных струй поток.
Пусть кажется, что он жесток
И крепок, как слоновый бивень.

А ты, продрогший и немой,
Стоишь и утопаешь в луже.
Сейчас тебе, чем будет хуже,
Тем легче для души больной.

Спасенье есть. Есть рядом море.
На третий день наступит штиль.
Ты встретишь новый день, не споря
О том, что горе – это шпиль

Недостижимого размера,
Где нет конца. А высота
Его ниспослана, как мера
Огромной тяжести креста,

Который кем-то адресован
Тебе нести сквозь толщу лет.
Твой шаг и будет твой ответ
На предстоящий путь. И след,
Что грубой тяжестью спрессован,

Оставлен будет на песке.
Дождь тщательно следы смывает.
Хоть жизнь висит на волоске,
Но горе вечным не бывает.

Не проходящая тоска,
Что жжёт, как пуля у виска,
Заменит острый приступ горя.
Рукой надежды станет море.

Твой крест тяжёл. Ну, а пока,
Пусть друга верная рука
Тебя поддержит, волнам вторя,
Что держат путь издалека.

И, выливаясь на песок,
Они тебе судьбу предскажут.
Рисунком на песке покажут,
Что ты не будешь одинок.

На горизонт взгляни хоть раз,
Когда он солнце поглощает.
Закат на море обещает —
Слезой уйдёт тоска из глаз.

К утру...

Над рекою заря угасает,
Погружаясь в свои чертоги.
И, прощаясь с водою, тает
Лучик света, застряв в дороге.

Позже сумерки наступают
По Весне, всё короче ночи.
Они с нежностью уступают
Время сну, что смыкает очи.

И, лишившись дневного света,
Ждёт доверчивая природа
Пробуждения и рассвета
В это юное время года.

Ухо чуткое тонко слышит
Шорох трав и листвы движенье,
Где сквозная прохлада дышит,
Жизнь настроив на пробужденье.

14

Михин Борис, Москва

Котята

Ноябрь, убийца поэтов,
по ним врезал очередями —
дождями.
Стихов силуэты,
как сумеречные бродяги,
не изображали тоскливость,
а были ей
(странное дело,
когда ими цвёл сентябрь льстивый,
что ж я не успел наглядеться?).

Бездомные, словно котята,
ютятся ко мне по-сиротски
(убили отцов, а жить тянет).
Но всех не спасу, не из Бродских,
не гений.
Не всем тем, что вижу,
смогу дать слова, души, лица.
Стихи, умирая, кисть лижут,
но не ноябрю...
мне – убийце.

Свет жизни

Прожектор в спину.
Тени на стене,
изображающие нас уродливо
злодеями, шутами, нищелюдами,
не врущие, однако, вместе с тем.

На плоском плохо видно в глубину
зато наглядно, где осёл, где – гарпия.
Какая-то смешная томография,
кино, где мудреца придурок пнул.

Всё как всегда.
Но это не кино —
реальность.
А точнее то, что видимо

(ведь в нас пять входов, в то числе и видео).
Жизнь индивидуальна, как венок,
таких полно на новеньких гробах
(стих получается весьма весёленький),
но хоть займись стихами, хоть виндсёрфингом —
Прожектор в спину...

Хочется: бабах(!!!),
взорвалась Лампа, все проснулись и...
А дальше мною больше не придумано,
но чую, где-то там свободой дунуло.
А может это разум мой люсит.

Сны видимого – сладкие, но сны.
Нам кажется, что видим настоящее,
а настоящее – внутри.
Как бомба в ящике
с картинкой бомбы.
Символы ясны,
но это символы. Наглядно, но...
что в ящике? И бомба ли там именно?
Рвануло... да не Лампа.
С кислой миною
изображаю тень – другого не дано.

Из всех семи известных мне путей
(четыре стороны, верх, низ и будущее)
на каждом встретиться Прожектор-чудище
и-тень...

О способах реставрации

Вот бы выпить вина какого-то
и занюхать бы пьяным счастьем (!),
ведь бывает душа – расколотой,
пьянство просто скрепляет части,

и опять визуально – целая...

Потому ли судьба нам – доля,
что на «до» и на «после» делится,
если кто-то её расколет?

Эти штуки у всех нас – склеены.
А сберечь для чего старались (?) —
да пугали богами, геенной...

Швы, как в памяти, – постирались,
так как если надёжным способом,
да как следует, выпив, крякнуть, —
морем не по колено – посуху...

Новый шов вытрем утром-тряпкой.

К вопросу о дождях

Поскольку выпускник моряцкой бурсы,
смотрю на дождь в окне с теплом, привычно,
и, вспоминая чаек горемычных,
пью, обжигаясь, чай – зелёный мусор.

Мне сочетания воды с водой приятно видеть,
пусть вам они – безрадостных пропорций.
У стихотворцев на дожди есть процент,
я забираю свой. Эй, там, пошире фитинг!

Вприкуску к чаю стук колёс по рельсам
обычно хорошо подходит. В этом
я убеждён на фото, старым ФЭДом
когда-то сделанном мне в день апрельский.

И там есть дождь.
И я в парадной форме,
намокшей, будто бы стоял под сливом...
И никогда уже лицо счастливей
не будет, ведь там рядом есть твой профиль,
моя любимая.
В окне дождь грустно
мне выдаёт, скрипя листвою, проценты.
Разглаживая взглядом снимок ценный,
пью, обжигаясь, чай – зелёный мусор.

Товарищ Город

Меня не связывает с Вами больше ничего,
а вот и главный признак сделки: «наконец-то»,
товарищ Город, моего – однажды – детства,
и тысяч – разочарований в жизнь величиной.

Однако, Город, вы ведь не прощаете, мишень
рисуя, как рецидивисту, меж лопаток.
Но я не вор, а воин...

У берёзок патлы
погостам Вашим позволяют дивно хорошеть.

Любил бы Вас: церквушки, речка, скука – лепота!
Но, чёрт возьми, провинциальность, будто язва,
уродует людей, у некоторых, разве,
оставив душу чистой. Этих – норовят втоптать.

Давайте встретимся, товарищ Город, чуть потом
(у неприязни тоже есть свой срок и годность),
ну а пока нам всем не позволяет гордость
расстаться с миром, не взрывая мост.
Но что – понтон?

На этот раз

Вот удивительно, но карты снова
не подвели: не вымучен пасьянс,
и – вымученной – встреча. Этот нонсенс
не поддаётся «Академ де сыанс».

Все люди возвращаются друг к другу,
насовершенство кучи разных дел,
но... кто кому был друг?
Я в ваших кудрях,
сударыня, запутавшись, хотел

найти, быть может, старые надежды
(наиглупейшая, пожалуй, блажь),
но понял, что прощать друзей – не жертва, —
мираж...

Как выяснилось, вы – не оппонент мой.
Пусть мелкий круглый столик на Цветном
не обольщается, – надежда перманентна.

Мороз дышал, свежайший, как ментол.
Природа дрянь собой напоминала
массивом серо-облачных террас.

Друг друга было – на чуть-чуть – нам мало
на этот раз.

15 ОС Светлана, Москва

В час, когда я умру...

Звуки и краски сна
Призрачны и легки:
То ли твоя струна
Звонче моей строки,
То ли моя строка
Тоньше твоей струны...
Небо несёт река
С Северной стороны.

И за один глоток
Чистой воды живой
Каждый заплатит в срок
Сердцем и головой.
Проданное за грош,
Время замедлит бег...
В час, когда ты умрёшь,
Я замолчу навек.

Будущей долгой тьмы
Прошлым не искупив,
В мире и порознь мы —
Звенья одной цепи,
Только замёрзших рук
Холодом не согреть...
В час, когда я умру,
Ты перестанешь петь.

Шов

И жизнь расчертив по лекалам судьбы,
Отмерил семь раз, а отрезать забыл.
И спуталась нить, и пошёл по кривой
Изнаночный шов стороны лицевой.

Слово стальное

Слово стальное стального острей меча:

Время ему, расстояния – не помеха.
Если боишься эха, умей молчать,
Если молчать не можешь, не слушай эхо.

Помни меня, пытаясь забыть меня —
Узы вражды долговечней святого братства...
Если не хочешь сдаться, учись пленять,
Если пленять не в силах, учись сдаваться.

Видишь двоих, танцующих на ножах?
Хватит ли духу скопировать их движения, —
Если не отражаться, то отражать?
Не отразивший становится отражением.

Жизнь у него отнимает и стать, и прыть...
Думай о том, задыхаясь в её клешне и
Определись между вечными «быть» – «не быть»,
Ибо тебе только ведомо, что страшнее...

16

Петухова Маргарита, Москва

Осень

Прелестницы осени – астры лиловые,
Расцветают в моём саду.
Посмотреть на оттенки новые
Спозаранку тропинкой иду.

Но краса их вот-вот завянет.
Холод осени вновь идёт
И волшебные краски лета
Очень скоро опять заберёт.

Порадует всех природа
Прощальной своей красотой.
Раскрасит и лес, и поле
Краской багряной и золотой.

Ожерелья оранжевых бус
Разбросает по лесу рябина.
Алым пламенем ягод своих
Восхитит кружевная калина.

Константиново

Надо всем Рязань посетить,
В Константиново быть непременно!
Здесь такого поэта родить
Русь должна была, несомненно.

Ах, каков там изгиб Оки!
Как высок обрыв у реки,
Как прекрасны луга и сады,
Как красивы леса вдали!

Не забыть благодарной Руси
Золотой поэта строки
Про берёзы осеннюю грусть
И рябины пылающий куст.

Про печальную песнь журавля
И серебряный звон ковыля,

И про рог золотой луны,
И про алый рассвет зари...

Осинка

Осинка юная, так трепетно и нежно
Красуешься нефритовым стволом.
И даже в час, когда безветренно,
Колышешь ты узорчатым листком.

С осенним дуновеньем холодка
Покроешь листья розовым румянцем.
Ещё чуть-чуть, и запылает вся опушка
Нарядным, сказочным багрянцем.

17

Попова Нина, Москва

Молитва

Не прошу я иного счастья:
Пусть не станет чужой – печаль,
Чтобы мимо людского ненастья
Не прошла, Господи, невзначай.

Дай мне силы и крепость духа,
Если радость – в соседний двор,
Пусть не шепчет мне зависть в ухо,
Не метёт в мою душу сор.

Дай мне, Господи, щедрость веры,
Чтоб делить – так всё – пополам,
Отдавать – так всегда без меры,
И не прятать добро в карман.

Чтобы сердцем могла согреться,
Без корысти людей любя,
Чтобы, Боже, болело сердце,
Да не только лишь за себя...

Полёт

Лечу, лечу сквозь бесконечность,
Внимаю ритмам звёздных песен,
И опоясывает Млечность
Ремнями пассажирских кресел.

И словно в чреве дикой птицы,
Ревущей сотней мощных глоток,
Моя душа на волю мчится,
Небес родных заслышав клёкот.

Полынь

Запах полыни плывёт по степи,
Лето уходит и всё позади...
Что-то нашли, а вот с чем-то расстались.

И в сокровенном кому-то признались.
Пусть накопились о лете вопросы —
Только не трожь его медные косы.
Лето уносит багряные всплески
За горизонты, за перелески.
Там и оставит, в полынной степи,
То, что случилось, и что позади.
Станешь искать – но уже не найти...

* * *

ПАВЛУ ВАСИЛЬЕВУ

Встрепет журавлиного крыла,
Волчьи изумруды лихолетья —
Родина печальная звала
Сквозь кресты, пожарища и плети.

Яблони надломленная ветвь,
Тополя багряная зарница...
Головы сечёт товарищ Смерть,
Щерит пасть звериной колесницы.

Хищно плещет кровавая муть,
Горек дым родного полустанка,
И проложен новый скорбный путь
Для души российской и таланта.

18

Романдина Марина, Москва

Стая собак

Вожак я собачьей стаи,
И буду за всех говорить.
Скажу вам, о чем мы думаем,
И что от вас мы хотим.
От ваших равнодушных взоров,
И ваших черствых сердец.
Вы наш отрицаете голод:
Из нас редко кто когда ест.
Но как нам к вам обратиться,
Если слепые вы?
Страх смерти в нас появился
От недостатка пищи, воды!
Мы от вас пострадавшие,
Потому что вам все равно —
Голодные мы, бродячие,
А вы пьете вино.
Кто для кого опаснее:
По закону джунглей живет,
Золотому тельцу поклоняясь,
Слабейших не беря в расчет?
Ведь вы — хозяева жизни,
А мы кто — ваши рабы?
По сути, мы братья меньшие,
Но помните ли это вы?
Мы ваши меньшие братья,
Мы имеем право на жизнь!
Самый дешевый «Чаппи»
Почему б вам для нас не купить?
Налить воды из-под крана,
Ведь можете для нас вы?
Мы тоже Божии твари,
И вправе иметь еды.
Мы не должны терпеть муки,
Почему не даете ее?
Наши болят желудки,
Вам же все нипочем.
Вы словно малые дети.
Вам трудно нас покормить?
Вы думаете о себе лишь,
А нам не продлеваете жизнь.
Мы собираемся в стаи,

В одиночку нас могут убить.
Мы солидарны с вами
В том, что хотим очень жить!
Мы вашей черствостью сломлены,
И нету пути назад,
Больны вашей мы бездуховностью —
С вас волчий переняли мы взгляд!
Мы собираемся в стаю
Бесчеловечности дать отпор.
Ведь нас, собак, так мало,
А людей – и город, и дом!
Нам нужно регулярно питаться!
Да, можем мы вам отомстить,
Перед тем, как с жизнью расстаться.
Ведь вы нас готовы убить!
Вы вызовете собаколовов,
У них есть ломы, сачки.
Чтоб нас в концлагерь животных
Немедленно отвезли!
Он «цех утилизации»² зовется,
Там много кошек, собак.
Это остров людской жестокости,
Это человечности крах!
В этом концлагере смерти
Жертвам посмотрите в глаза:
Страдание в них, человечность,
С них можно писать образа!
Мы – небольшая стая,
Неблагополучья сыны,
Мы, как подростки в компании,
От холодных ваших душ сплочены!
Проявите долю сочувствия
К нашей нелегкой судьбе,
Дайте нам хоть одну косточку —
Мы разделим ее на всех!
Нас много таких несчастных,
Мы в стаю сбились свою.
Обходите нас вы часто.
Но я никак не пойму:
Кто из нас все-таки звери?
И малодушнее – кто?
Нас видеть не захотели,
Но кто нас полюбит, кто?..
Когда-то мы были щенками —
Играли, резвясь каждый день.
Любили мы вас и лизали.
Но час наступил прозреть!

² В Х/ф режиссера Киры Муратовой «Астенический синдром» (1989) показан т.н. «цех утилизации» животных.

Познали мы прозу жизни,
Прошел щенячий восторг:
То, что нужна нам пища,
Вы не возьмете в толк!
Я так устал от свободы,
И часто мне снится сон,
Что я – щенок беззаботный —
Вниманьем не обделен,
Что у меня есть хозяин,
И у меня есть кров!..
Но вот я – в собачьей стае,
И умереть готов.
За что? За людскую черствость,
За взгляд равнодушных глаз!
За то, что в мире жестоком
Нет места для стаи собак!

Ненаписанный роман

Мы остались с Вами на «Вы».
Не написаны строки романа
Нашей общей с Вами судьбы.
Я Вам руку свою не давала...

Общей цели своей не нашли
Две ранимые наши души,
На осколках своей судьбы
Каждый был неизменно нужен.

И задумчивый лунный мой лик
Солнца Вы лучом не щадили:
Полюбили меня Вы на миг,
А потом обо мне Вы забыли.

И когда веселил лик другой,
Ваш печальный солнечный зайчик,
Та, что стала Вашей женой,
Вскоре стала Вашим несчастьем.

Укоряли потом Вы меня,
Что Вам руку не протянула.
Не бывает дым без огня!..
Я тогда Вас не обманула.

И не надо винить меня,
Ведь давно Вы уже не мальчик.
Как могли Вы любовь променять

На монеты из жалкой фальши?..

Как могли Вы свой солнечный лик
Прятать робко под маскою лживой?..
Полюбили меня Вы на миг,
А потом обо мне Вы забыли.

19

Самарин Алексей, село Ольшанка

С. Довлатову

Довлатовская проза, как стихи.
В ней много грусти, боли и тепла
И одинокой глубины души
Под маской ироничного добра.
Его талант прозрачен и лучист.
Художник настоящий и артист,
Как Чехов, пронизательный и честный.
Провинциальный, мелкий журналист,
В кругах литературных неизвестный,
А в жизни откровенный пофигист.
Свой дар сберёг от будничной халтуры.
Романтик и печальный оптимист,
Вне правил и законов конъюнктуры,
Остался в пятьдесят по-детски чист.
С. Чёрному
Он, как ребёнок, верил в чудеса,
Псу бедолаге и бродячей кошке,
Сам, оставаясь часто без гроша,
По-меценатски жертвовал лепёшки.
Ранимая и чуткая душа,
Не выносила пошлости и хамства,
Поэтому стремилась в небеса
От мудрости житейского мещанства.

20

Свиридова Валентина, Москва

Пульс Москвы

Пройтись по улицам Москвы,
Взглянуть в глаза вечерних окон.
И среди шумной суеты
Вдруг затеряться ненароком:

Забыть про планы и дела,
Поддаться бурному течению.
Куда б волна ни привела —
Повсюду следовать влечению.

Привычны к ритму москвичи —
Медлительность не в их укладах.
И пульсом жизненным стучит
В висках Москвы такой порядок.

Она, как добрый чародей, —
И удивит, и околдует.
Своей тенистостью аллей
Сердца влюблённые взволнует.

Красою улиц, площадей
И тихих, старых переулков
Москва затмит любой «бродвей»,
Курантами восславит гулко!..

21

Сорокина Наталья, Москва

Малый театр

Театральная площадь, вечер, огни.
Малый театр, афиши зовут.
Люди у входа, нарядны они,
Сегодня Островского пьесу дают.

Зрительный зал оживлен и сверкает.
Третий звонок всех торопит, звенит.
В люстре хрустальной свет угасает,
Занавес вспыхнул, ожил, летит.

Сцена открылась из жизни ушедшей.
Время вернулось в былые года.
Люди и нравы эпохи прошедшей,
Той, что блистала, но ушла навсегда.

Нет, не ушла, слишком много осталось —
Те же привычки, манеры, слова.
Автор здесь показал лишь самую малость.
Здравствуй, старушка, родная Москва!

История храма³

В центре Москвы был храм возведён
На деньги и средства народа.
Победу в войне возвеличивал он
На фоне небесного свода.

И шли сюда люди с надеждой, мольбой,
С покаянием, верой великой,
И благовест тихо звенел над Москвой,
Как символ любви многоликой.

Но время менялось, другие слова
Звучали с трибун и в эфире.
Притаилась, затихла святая Москва,
Изменилась и роль её в мире.

³ Храм Христа Спасителя в Москве.

Грохот стоял, и гудела земля,
Когда храм рукотворный взрывали.
Плакали люди, пощады моля,
К Богу они призывали.

Власть захотела, посмела, смогла,
Несмотря на стенанья народа,
Разрушить, взорвать, уничтожить дотла
Храм христианский победного года.

Здесь потом был бассейн, в нём стояла вода
И пар поднимался над ямой.
Любители плавать спешили сюда,
А Чертолье смеялось упрямо.

Время прошло, и бассейн был снесён —
История так приказала.
Храм православный был вновь возведён,
И Москва прежний образ узнала.

22

Суздальская Татьяна, Москва

Рассвет

Ночь растаяла, брезжит рассвет...
Мир подобен волшебному пенью...
Гимн рассвету играет кларнет,
С золотою сливаясь свирелью.

Встрепенулся в лесу соловей,
Чтоб воспеть от ночи пробужденье.
На просторах лесов и полей,
Предается природа забвенью...

Зарождается девственный день...
В грезах утренних речка вздыхает...
И крадется от облака тень...
И заря... вот уже полыхает...
Гармония
Я птицей взлечу к седым облакам,
Касаясь рассвета воздушным крылом.
С молитвой земной к небесным богам.
Приют отыщу я в сердце твоём.

С простором вселенной песчинкой сольюсь...
Растаю в любви, как беспечный огонь...
Гармонией сладостной вниз устремлюсь,
Упав на горячую друга ладонь.

23

Таташев Александр, Москва

Два стихотворения

Два стихотворения с противоположным смыслом.
Бывает, хочется сказать и так, и так, —
Сказать: всё может осенью случиться,
И то, что летняя пора прошла...

* * *

Не спрашиваю. Мне и так всё видно.
Чудесно и уже обычно всё.
Передо мной знакомые картины,
Казалось, что забытые давно.

Что было — дымкой времени покрыто.
Что ждёт нас — время прояснить должно.
Мы можем прошлое — пусть смутно — видеть.
Что будет — даже смутно — видеть не дано.

* * *

Мне кажется, что был вне времени тот тёплый вечер.
На праздник — лентами украсились пруды.
На полчаса зашли мы в парк во время нашей встречи...
И в прошлом ли — о будущем мечты?

Я помню, что было снежно

— Не исчезай.
— Нет, теперь не исчезну.
— Не исчезай для меня.
— Время покажет.

Я помню твоё появление,
Случайную встречу в метро,
Цепочку недоразумений,
Пустое — ни слова — письмо...

Я помню, что было снежно.
А вечером лампочек свет.
Предновогоднее время.
Наивный и странный сюжет.

Не много мне слов оставалось
Сказать на прощанье тебе.
Дни Рождества приближались
За морем – в далёкой стране.

Расстались с тобой мы в буфете
В обычный рабочий тот день.
Прямой твой запомнил я крестик,
Который так ярко блестел.

Нам было тогда неизвестно,
Увидимся вновь или нет...
Со дня твоего отъезда
Прошло уже восемь лет.

И снова мерцают снежинки.
Но нынешний вечер теплей.
И ветер не дует так сильно.
И ласковой свет фонарей...

* * *

Случайно в почте Рамблера свое письмо
Нашел я в рубрике «В далеком прошлом».
Два года с небольшим прошло.
И стало мне слегка тревожно.

В письме я на вопрос твой отвечал,
Который задала ты перед этим.
Тогда я все иначе представлял,
Воспринимал в наивно-нежном свете.

Пусть это было так давно,
И перелистана страница.
Но все по-прежнему со мной
И вместе с тем не возвратится.

«В далеком прошлом» это все.
Мои сбываются надежды?..
И пишем мы друг другу вновь.
И ждем ответа мы, как прежде.

24

Фимин-Гулимин Валерий, Раменское

* * *

У нас цветёт везде
лопух,
ещё летает
тополиный пух,
шумит листвой берёза
у ручья,
и только пыль дорожная —
ничья.

Всё остальное обрело
хозяев.
Не то что бы случайных
негодяев —
людей достойных,
одарённых —
всех мастей.
Хватали всё,
подряд и без свечей...

Теперь страна останется
ничьей.

* * *

Луна по городу
катилась между крыш.
Кричал отчаянно
оторванный малыш...
Из лона матери
низвергнут к небесам —
крик ощущений
как привет другим
мирам.

Твои глаза

Жить среди Тихого океана,

просто, тихо и странно...
Ловить рыбу и ветер
в паруса, видеть твои глаза,
умываться морской водой.
В воздухе все вкусы соли
и горизонт босой.

Ночное

Здравствуйте гады-поэты!
Что лицезреете днём?
Складно слагая куплеты
злую реальность боднём!
Каждый вонзает в что хочет
острое жало пера.
Круглая баба хохочет,
за окоёмом – дыра.

Очередной меморандум:
«Славьте Россию рублём!»
Злобно кромсающий фатум
шансы кокошит дубьём!

Про Вшивую горку

Про «Вшивую горку»
немало легенд
уже рассказал мне
беззубый сосед.
Её омывает речушка одна —
речушка-пичужка сейчас
не видна.
Замыслили люди
построить здесь град,
работали страстно
почти стройотряд.
Воздвигли ансамбли —
большие дома,
слепили дороги
уже как всегда.
И не было мысли —
считай, парадокс,
речушку очистить
и выстроить мост,
проторить дорожки:

Округ берега
и вдохновенье —
Чернавка-река.

Ничего не изменится

Ничего не изменится —
будет доблесть и честь,
и как прежде кобениться
изуверство и лесть.
И расхристанный пьяница
будет жить на пятак,
и богач вечно маяться,
что-то сделав не так.
А светить будет Солнышко,
ублажая траву,
и любить будет девушка,
умножая молву.
То ли оклик за речкою? —
вечно чуду гулять!
Дом дышать будет печкою,
надо это понять.

Общество нездорово

Общество нездорово,
где кошкам проход,
людям — нет!
Железные двери толково
воздвиг, сам не свой,
интеллект.
Нас всех ослепила удача,
удача — заслуга раба,
тащите билетик, судача,
а там — не расти трын-трава.
Сегодня обманщик
в почёте,
он смотрит лукаво вперёд,
а вы как сегодня живёте?
Да, дело его не умрёт.

* * *

Эта птица – загадка,
красота неземная.
Грудь покрыта румянцем,
вся в цветах горностая.
Голос, нежно зовущий
в несказанную даль,
где ведёт хороводы
чаровница-печаль.
Кто ты, птица-загадка?
Из какой стороны
прилетела на свет ты
одиноким звезды?
Я б назвал тебя: радость.
Утоли мне печаль.
Ничего не осталось.
Пусто. Кто мы?
Прощай...

25

Фомичева Ольга, Снежинск (Челябинская область)

Грустный день

Грустный день в резиновых калошах
Шёл понуро, ноги волоча.
Мелкий дождик серым макинтошем
Ниспадал с унылого плеча.
В лужах парк, нахохлились скамейки,
Капли льют за шиворот с зонтов.
Сумерки сгущаются в аллеях.
День тоску нагнал и был таков...

Кувшин

Податливая глина уступила,
И приняла назначенную форму.
Прошла сквозь пламя адова горнила;
Кувшином стала звонким, но... покорным.
В нём мёд и пиво пенились, играя,
За здоровье хозяйки в именины,
А в жажду квас, иль молоко до края.
Но времени часы неумолимы.
Состарился кувшин: рубцы, морщины,
Скололась ручка, выщерблено днище.
На угощение друзьям старинным
В сосуде новом предлагают пищу.
Уж не хранить медов и пенной браги,
Не быть обласканным мозолистой рукою.
... Хоть вдребезги, как есть, при всём параде.
Не дай Господь, стать уткою ночью!

* * *

*Что он видел, верблюд кирпичный,
В завывании дождевом?*

С. Есенин

Отпылало кострище заката,
Отгорели пожары войны.
Поле боя дремотой объято,

Разноцветные видятся сны.
Здесь когда-то была деревенька
На зелёной ладони горы.
Как цыплята, пищали ступеньки,
Под ногами босой детворы.
Ветер пепел развеял от хаты.
Закопчённая матушка-печь
Всю семью здесь кормила когда-то;
От беды не смогла уберечь.
Словно дряхлая бабка с клюкою,
Исподлюбя глядит в небеса.
Ломит кости в ненастье и воют
Прошлой памяти голоса.
Не затеплится печка снова,
Голубой не взовьётся дымок.
Скорбной сажи платочек вдовый
Краем держится за шесток.
В поле брани верблюды кирпичный
Виден издали, за версту.
Не забудет он горемычный
Безымянную высоту.

* * *

Грустно пружинка тенькнула,
Мёбиусу не веря.
Стрелки – рабы бессменные —
сгорбились от потери.
Встали часы настенные,
скинули власти бремя.
Звёздным песком Вселенной
перетекает время.

Жизнь моя – качели

Видели качели? Вверх и вниз...
То стремимся в небо – синюю высь.
Крылья за спиною, блеск в глазах,
Сердце птицей бьётся. Вздых души: «Ах!»
То из поднебесья – камнем вниз.
Может, зря задумали вознестись?
И не держат крылья, в мыслях – Бог.
Из груди несётся тяжкое: «Ох!»
Жизнь моя – качели: вверх и вниз...
Вот опять к Олимпу устремлюсь ввысь.

Впереди победа манит. «Ах!» —
Радостное звонкое на устах.
Неземное чувство: всё могу!
Пожелаю счастья даже врагу.
Но Икара крылья так хрупки,
Ветер по живому рвёт на куски.
Снова неудача: страх, и боль,
И паденье в пропасть – такова роль.
Сердце замирает, горький всхлип:
Где бы взять соломки да подстелить?
Вот они качели: вверх и вниз...
Взлёты и падения дарит жизнь.
Гладкая дорога – лучше всех.
Всё равно карабкаюсь тропкой вверх.

26

Хатина Татьяна, Москва

* * *

Год последний, високосный
Владимир Высоцкий
Я не нужен этой даме в чёрном,
Так устал, все силы исчерпал.
Пропасти на перевале горном
Манят, манят в призрачный провал.
Отпусти, осталось мне так мало,
Жизнь стоит на гибельном краю.
Рвётся сердце, слишком слабым стало
В том последнем прерванном бою.

Я не смог, уехал из Парижа,
Ты не плачь, вернись к тебе, поверь,
Береги себя и будь поближе
Самая большая из потерь.
Поцелуй последний, щёк небритость,
Меня гладишь ласково рукой.
Глаз любимых горькая открытость,
Взмах руки прощально-нежный твой.

Я сгорал, не умещался в сутки
Тот накал, в котором я кипел.
Жизнь осколками распалась на минутки
В том калейдоскопе адских дел.
Високосный год, восьмидесятый,
На Ваганьковском цветы, цветы...
Конь мой привередливый, крылатый
Доскакал до огненной черты...

Жизнь сорвалась, как струна гитары
В свой последний прерванный полёт,
Но мой голос на пластинке старой,
Как и прежде с хрипотцой поёт.

Деревенская боль

На пригорке церковь деревянная,
К небу тянутся крестами купола —
Древних витязей шеломы бранные,

Чтоб земля сохранною была.
Рубленных домов старинно кружево,
Расписных наличников узор.
Деревенька, милая, как нужно нам
То, что ты хранила с давних пор.

Всё, что завещали наши прадеды —
Дух особый русских деревень.
Он давно в стране у нас украденный,
Пустотой окон чернеет тень.
Заросли поля чертополохами,
Обмелели речек берега.
И скрипит журавль от боли охая,
И гниют сопревшие стога.

Тишина, крик петуха не слышится
И коров не гонят поутру.
Лишь тоска с печалью здесь колышутся,
И стучат ворота на ветру.
Ставни окон накрест заколочены,
Запах яблок по садам течёт.
Верно ждёт собака у обочины,
Зная, что хозяин не придёт...

27

Цветова Татьяна, Москва

Засеменила осень ранняя

Засеменила осень ранняя,
Уже дохнула холодком,
Одна рябинушка кудрявая
В тумане светит огоньком.

И лес в безветрии притих
Пред чем-то важным в ожидании,
Дописывая летний стих,
Черновиков ронял шуршание:

Лишь с опадающей листвой
Идёт череда воспоминания,
Мне дорог каждый золотой
Листок любви и расставания.

Осенью в лесу

Святая наивность берёз молчаливых
И шум остывающих милых дубрав,
Как мало осталось мгновений счастливых,
Как много утрачено в осени глав...

А листья летят, как крылатые птицы,
Прощаясь, покружатся над головой,
Тоской разноцветной спешат приземлиться,
Уже потерявшие голос живой.

Хотя бы коротким лучом насладиться,
Едва проникающим редко в окно,
А осень напишет красиво страницы,
Но смоют дожди их, как было давно.

Не читай мысли грустные, осень

Не читай мысли грустные, осень,
Всё равно не поймёшь никогда,
Как журавликов, в небо уносишь

С разноцветной листвою года.

Не спеши, хоть согрей бабье лето,
Ты успеешь ещё нашуметь
И на память, что в злато одета
Положить свой багрянец и медь,

И не плачь, не рыдай над потерей,
О прощенье Разлуку моли,
Одинокó спустившись на берег,
Где прощаются с ним журавли.

28

Шарова Евгения, Лобня

Не бойтесь говорить «люблю!»

Не бойтесь говорить: «Люблю!»,
Тем, кто вам дорог бесконечно!
Ведь в этом мире мы не вечны —
Всегда на грани, на краю...

Себя не бойтесь потерять,
Даря восторженность улыбок!
И незначительность ошибок
Учитесь искренне прощать!

И пусть в душе не гаснет свет,
И пусть в любви мы безоружны,
Но счастья быть кому-то нужным
Важнее в нашей жизни нет!

Детство

Этот маршрут не отмечен на контурной карте,
Нет ни подсказок, ни самых счастливых примет.
И не доехать никак — ни в купе, ни в плацкарте...
Впрочем, туда и не купишь обратный билет!

Детство... «Секретик», зарытый под старой берёзой, —
Бусина, фантик, цветочек, осколок стекла...
Смех и веселье... А самые горькие слёзы
Лишь от того, что бабуля домой позвала —

«Женя! Обедать!» — весомее нет аргумента!
А во дворе без меня продолжают играть...
Самое яркое и бесшабашное лето
Мне не забыть, но, увы, не вернуть, не догнать...

Детство... Нотации мамы про тёплую шапку,
Ту, что у школы снимаешь и прячешь в портфель...
Фотоальбом и с рисунками старая папка —
Словно в минувшее приоткрывается дверь...

Мы то грустим, то, порой, беззаботно смеёмся,
То ускоряемся, то никуда не спешим...

Детство... оно не уходит оно – остаётся
Где-то на самой окраине нашей души.

Я исчезну...

Я исчезну...
Возможно, вернусь через тысячу лет,
В то мгновенье, когда обо мне навсегда позабудут.
И никто из живущих не сможет узнать силуэт
В полустертом рисунке... Почти не надеясь на чудо,
Обретаю свободу, расправив два белых крыла.
Не боясь высоты, оттолкнусь от поверхности крыши
И шагну в неизвестность, разбив за собой зеркала.
Поднимаясь над городом сонным всё выше и выше
Я лечу в никуда, и, однажды, растаю, как сон,
И останется эхом моя недопетая песня...
Только белое пёрышко ляжет на чью-то ладонь,
Как случайный подарок заоблачного поднебесья...

Простит ли нас земля

В нас нет уже давно ни совести, ни страха,
Мы в алчности своей страшнее всех зверей!
Мне кажется Земля, встряхнувшись, как собака,
Смахнёт однажды нас с поверхности своей...

И разлетимся мы, как капли, по Вселенной.
Возможно, кто-нибудь другой приют найдёт...
Сомнения гнетут, что все попытки тщетны:
Таких, как мы сейчас, – никто нигде не ждёт.

Ведь кто, по сути, мы – молекулярный хаос,
Но разума зерно в нас вложено творцом.
Попробуем сберечь хоть то, что нам досталось
От тех, кто жил до нас – от дедов и отцов.

Зачем сидеть и ждать каких-то катаклизмов —
Помочь самим себе и что-то изменить
Мы сможем лишь тогда, когда своею жизнью
Прощение Земли сумеем заслужить!

Воздух поэзии

В ночной прохладе, в шорохе листвы,
Боясь спугнуть нечаянным движеньем,
На площадях Есенинской Москвы
Ищу надежду, счастье, вдохновение.
Москва щедра на россыпь новых рифм.
Они, как искры обжигая, светят.
Я – странник, я – искатель, пилигрим!
Я кровь Квассира пью, вдыхаю ветер.

Мелькают тени в лунном дефиле,
И россыпь звёзд дождём на мир прольётся,
А на вопрос: «Зачем мы на земле?»
Лишь только эхо гулко отзовется.

Застынет воздух в ожиданье дня,
Ещё секунда, и развеет ветром
Всё, что к утру осталось от меня,
Но я вернусь, возможно, за ответом...

Не волшебница, но...

Я сбываю мечты по довольно умеренным ценам —
Задумчивость улыбок и радостный блеск ваших глаз.
И всем сердцем за то, чтобы люди не строили стены
Из отточено колких в своём равнодушии фраз.

Я стираю, как пыль безразличие, злобу и зависть,
Счастья хрупкий росток защищаю от яростных гроз...
В моих силах не всё, но, поверьте, я честно стараюсь,
Чтобы в мире большом стало меньше прощаний и слёз.

Я совсем не волшебница... просто душою поэта
Я пишу о любви и о том, что волнует меня...
Может быть, мне удастся добавить немножечко цвета
В монотонность палитры обычного серого дня.

29

Шебаршина Наталья, Москва

* * *

Словно Феникс восстану из пепла,
Отряхну опаленные крылья.
Сброшу в пепел тоску и унынье,
Злые дни позабуду отныне.

Мне обид и невзгод полной мерой
Жизнь отмерила и одарила.
Ну, а счастье большое, земное,
Дать в придачу, как видно, забыла.

Вот и мыкаюсь, вот и плачу,
Свою душу вопросом терзая,
«Может ЗДЕСЬ мне даны испытанья,
Чтобы ТАМ удостоиться Рая?»

Знаю точно: восстану из пепла,
Отряхну опалённые крылья.
В прах развею тоску и унынье
В глубине нескончаемой сини.

Не убить, не сгубить моей Веры,
Что даёт мне надежду и силы.
Всё пройдёт, в том числе и плохое,
Так мне бабушка говорила.

В голубой прохладе утра
Растворилась ночь.
Вот проснулось наше чудо —
Маленькая дочь.

Снова солнышком весенним
Комната полна,
И стремительно за дверью
Скрылась тишина.
Радость, счастье и веселье
К нам вернулись вновь.
Наше маленькое чудо
Дарит всем любовь.
В голубой прохладе утра
Растворилась ночь.
Ах, как быстро подрастает

Маленькая дочь!

Женщина и кошка (Поль Верлен, перевод с французского)

Она играла на диване с кошкой,
Когда клонился день к закату.
Я замер в восхищении, глядя,
Как ручка белая, схватить пыталась лапку,
Кошачьей грацией плена.

Своими острыми, как бритва коготками,
Блестящими оттенками агата,
Хватала кашка намертво шнурок,
Который ловко дёргала хозяйка,

Стараясь не сломать свой ноготок.
Четыре лапки, словно из фарфора,
Мелькали в воздухе и серебристый смех,
Коварный замысел скрывающий упорно,
Как брызги падал в белый, мягкий мех.
Вечерний свет струился в их окошко.

А кто из них резвее лапкой бьёт?
Как отличить, где женщина, где кошка?
И кто из них мурлычет, кто поёт?

Проза

01

Баталова Татьяна, Железнодорожный

Куст шиповника

Она была когда-то нежным и смешливым ребёнком, любящим маму и кусты смородины, и родной двор, и небо над высокими стройными соснами, растущими на поляне недалеко от дома. Она помнит с пяти лет себя и тот милый розовый дом рядом с лесом, двор с большим кустом дикого шиповника, свидетелями и участниками тех счастливых беззаботных дней её детства. Дни выплывали вместе с солнцем и не мелькали, как в калейдоскопе, а длились, и были просторными и глубокими с чистым и радостным небом, вмещающая в себя сотни мелких и значительных дел, событий, восторгов, слёз и обид. Девочка росла и вместе с ней росла её душа. Она вмещала в себя все те глубокие накалы переживаний каждого нового дня, каждого нового разворота тельца цветка и сжатой в нём неудержимой властной силы жизни. Тысячи исследований были произведены в рельефах земли вокруг дома, в зелени цветника дворовой клумбы, в лепестковых дамских пальчиках и собачках с живыми следами дневного солнца. Команда исследователей состояла из девочек и мальчиков, живущих в двух подъездах четырёхэтажного кирпичного дома, которым было интересно друг с другом и с миром, блестящим в тёмных лазах кустов и заборов. Тайна жила в тени кустов смородины, в запахе тёплой земли, в шорохе крыльев стрекоз и бабочек.

Она приникла к дому, к кустам, к солнечным пятнам на листьях и к жгучему любопытству искателей того таинственного, что влекло своей неизведанностью и загадкой живого. Желание вывести, узнать, постигнуть томило каждого из ребят, влекло на чердаки, на крыши сараев, как и в полымя трав и ягод, в волнующие запахи богатого царства леса.

Лес был молодой с пушистыми пихтами, ёлочками, берёзами. Под елями и пихтами выросло много грибов, особенно липучих маслят, на светлых полянах было много земляники. Лились тёплые летние дожди, росли травы, расцветали душистыми метёлками, ароматными цветниками лесные светёлки. Ах, как сладко пахло травой после дождя!.. Непонятный тревожный покой лился в душу и замирал там восторгом перед щедростью жизни, любовью солнца и великой тайной звёздной ночи.

Незабываемый далёкий мир детства. Земля под твоими ногами и вселенная в твоих глазах и в сердце. Высокое небо зовёт в свои парящие потоки, и ты вместе со стрекозой взмываешь в прозрачную синеву и наслаждаешься тёплым солнцем и свободным дыханием полёта.

Ты растёшь. Тебе хочется ухватить, сжать в объятьях весь трепет ускользающего дня, весь трепещущий мир живого...

02

Бузни Евгений, Москва

Привет, дружище! (очерк)

Я познакомился с ним, когда мне была двадцать четыре года, то есть в 1964 году. Этот период жизни я вспоминаю, как один из самых счастливых. Это была другая эпоха. Тогда не было и в помине компьютеров, о мобильных телефонах не писали даже в фантастических романах, телевизоры только входили в квартиры. Люди чаще общались между собой вживую, а не с помощью интернета, как сегодня.

Я же находился в самой гуще комсомольской жизни, поскольку это было моей работой – в книготорге мне пришлось заниматься распространением и пропагандой книг с помощью общественных распространителей, которые вообще-то ничего за это не получали, но охотно выходили на книжные базары, выносили столики на набережную Ялты, весело продавали книги, организовывали у себя на предприятиях общественные книжные киоски, уговаривали сотрудников купить ту или иную книгу, рекомендуя тратить время и деньги на чтение, а не на пустые развлечения.

На должность заместителя директора книготорга я перешёл со штатной комсомольской работы и продолжал быть членом пленума горкома комсомола, председателем городского штаба комсомольского прожектора. Кроме того, я считал себя поэтом, входил в литературное объединение при городской «Курортной газете», в которой иногда помещали мои стихи и небольшие заметки. Так что друзей у меня было в нашем небольшом курортном городе Ялте великое множество, но ни один из них не мог бы назваться моим близким другом, к которому бы я заходил запросто домой, с которым советовался бы по важным для меня вопросам.

Старший брат Рома был настоящим другом, но разница в возрасте в десять лет, несколько различала и интересы. Старшая сестра Галя была уже замужем и занималась своими семейными проблемами. Мой брат близнец Тёма учился в это время в педагогическом институте в Симферополе. Словом, вакансия на дружбу была открыта, и претендентов на неё было немало. Но друзей не выбирают, как товар на рынке. Друзьями становятся незаметно родственные души, проходя проверку временем через сотни препятствий. Пути дружбы необъяснимы.

Однажды я помогал старшему брату в вечернее время подрабатывать звуковиком на танцевальной площадке в Приморском парке. Работа была не сложная – включать и выключать музыку для танцев по команде ведущего, который перемежал танцы своими развлекательными выступлениями.

В одну из музыкальных пауз, когда молодёжь танцевала очередное танго, ведущий зашёл ко мне в рубку. Мы познакомились, и он спросил, не хочу ли я принять участие в работе драматического театра городского Дома учителя, где он работает режиссёром. А надо сказать, что мы с моим братом-близнецом с детства увлекались театром, особенно я. В школьные годы мы сначала посещали в клубе Госторговли занятия оркестра народных инструментов и разъезжали с концертами по санаториям и домам отдыха Южного берега Крыма, а позже пришли в драматическую студию Дома пионеров. Студией руководила актриса московского театра, и занятия она вела профессионально с разработкой этюдов и постановкой речи. Так что предложение о работе в народном театре (правда, такое

название нашему коллективу было присвоено позже) я принял охотно, несмотря на всю мою занятость комсомольскими делами.

И так я пришёл в Дом учителя на первую свою репетицию, где и познакомился с Петром Сергеевичем Саньковым, ставшим постепенно моим другом на всю жизнь.

Но здесь нужно сделать одно примечание. Петра Сергеевича я всегда воспринимал только вместе с его женой Ритой Саньковой, поскольку в моём сознании они были неразрывны. И эта ассоциация сохраняется до сих пор, хотя Рита давно ушла из жизни. Я просто не могу думать о них раздельно. Рита была связующим звеном этой дружбы. И вообще, она была связующим элементом всего нашего театра, который распался вскоре после её ухода из жизни. Но об этом речь впереди.

И так, я познакомился с ними обоими сразу. После репетиции, на которой мне тут же дали роль комсомольского работника, что казалось естественным, в водевили «Три истории о любви», Рита и Пётр Сергеевич пригласили меня к себе домой на чашку чая. Потом уже, когда наша семья поменяла квартиру с улицы Цветочной на улицу Пионерская, на которой как раз и жили Рита с Петром Сергеевичем, мы перебрались во двор, находящийся напротив их дома, наши чаепития стали очень частыми. А тогда я узнал, что этот сухощавый, среднего роста и возраста человек был учителем географии в школе номер семь и стал не так давно мужем учительницы литературы пятой школы Риты, которая уже была однажды замужем, но развелась по причине увлечения бывшего мужа зелёным змием, оставив у себя их совместную дочь Татьяну. Пётр Сергеевич, впрочем, тоже был женат и развёлся, оставив со своей бывшей женой дочь Наташу, которую очень любил. Но так случилось, что оба они, Рита и Пётр Сергеевич, встретили друг друга и решили соединить свои судьбы навсегда.

Квартира у Риты была на первом этаже невысокого двухэтажного дома, построенного когда-то для сотрудников научно-исследовательского института виноградарства и виноделия «Магарах», в котором работал учёным секретарём бывший муж Риты. Чаше всего мы собирались на небольшой кухоньке двухкомнатной квартиры после спектакля или репетиции, когда мама Риты Елена Петровна и Таня уже спали в своей комнате. Вторая комната, служившая спальней и столовой, располагалась чуть дальше. На кухне нам было удобно втроём разговаривать и пить чай. Иногда, естественно, мы разбавляли наши встречи бокалом вина (водку я в то время терпеть не мог).

Улица Пионерская проходила почти вровень с окнами первого этажа дома, и с неё можно было наблюдать, что происходило на кухне, хоть окно и было занавешено. Иногда по улице проходили учащиеся седьмой школы, ученики Петра Сергеевича, и их любимым занятием было кричать хором здравицу Петру Сергеевичу. Они подходили к окну кухни и по команде кричали: «Слава Петру Сергеевичу!». Пётр Сергеевич смущённо улыбался и говорил:

– Вот сорванцы. Не могут пройти спокойно. Но любят меня.

И действительно любили и любят. По всей земле разъехались его ученики, давно уже он закончил преподавание, но продолжают ему названивать бывшие ученики из разных стран и городов.

Удивительный человек Пётр Сергеевич. Всегда спокойный. Я никогда не видел его раздражения. Даже когда на кухне происходили разборки их семейных отношений, и он призывал меня в качестве арбитра, а я всегда оказывался на стороне Риты, он укоризненно, но спокойно говорил:

– Ну, это понятно, ты же любишь Ритку. Разве ты можешь быть объективным?

И он под нашим общим давлением с двух сторон соглашался, что в чём-то не прав. А я на его прямой вопрос: «Любишь ли ты Ритку, признайся?» вынужден был сознаваться, что люблю. Но я любил их обоих, таких похожих друг на друга своей любовью к ученикам,

к предмету, который преподавали, к театру, без которого не представляли себе жизнь, пока жива была Рита.

Именно об этой её любви я опубликовал в «Курортной газете» очерк «Учительница».

Встретив впервые человека, вы обязательно остановите своё внимание на его внешности. В этом смысле люди делятся на две категории. Вспоминая об одних, вы говорите о росте, причёске, костюме, и, пожалуй, всё, потому что больше вам ничего не удалось узнать. Вспоминая других...

Под её ресницами забывудки спрятались. Как поднимет глаза, так и пахнёт на тебя какой-то необыкновенной радостью. Глубина в них такая, что, кажется, будто в самое сердце опускаешься, в хорошее, доброе сердце.

То ли родилась она с такими глазами, то ли постепенно накапливала добро, чтобы согреть потом своими синими лучами людей, больших и малых, молодых и старых. Много видели эти глаза. Может, ещё в детстве поразила их своими зверствами война? Может, тогда уже появилось не исчезающее до сих пор удивление: как это люди могут вредить друг другу? И тогда, наверное, впервые родилась мысль стать учителем, чтобы рассказывать детям о добре и зле.

Или это Лев Николаевич Толстой, в чей гений она влюбилась раз и навсегда, позвал её сердце продолжать великое дело народного воспитания? Вчитывалась девушка, вживалась в Наташу Ростову, и у самой глаза становились всё задумчивее, поэтичнее, как в минуты раздумий Наташи. Как жить? Этот вопрос задаёт почти каждый любимому писателю.

И вот он, университет. Театр – её второе призвание, но об этом позже; Чтобы учить, надо знать и уметь всё. Она рисует, учится играть на фортепьяно, поёт и читает, читает. Литератор – это и историк, и музыкант, и художник, и театрал. Так она поняла своё назначение.

Это очень трудно быть учителем, отдавая всего себя делу, но иначе нельзя им быть. Дома отдыхать некогда. На столе постоянно ждут проверки стопки тетрадей. Ошибки. Если бы их было меньше... Но ведь дети только учатся не ошибаться в жизни. Им нужно помочь. И вот карандаш забегал по строчкам, рассыпая красные пометки. Как не любят их ученики и как важно им понять, что это для них. Сможет ли она объяснить? Должна.

Нужно написать планы. Куплена новая книга о Пушкине – успеть бы прочитать. Новая ученица невнимательна на уроках, домашние задания почти не делает. Необходимо зайти домой, поговорить с родителями. Ребята в классе не очень дружные. Хорошо бы организовать поход в лес. Вечером в Доме учителя обзор новинок литературы. Это уж обязательно не пропустить.

Да, Дом учителя. Его можно назвать третьим домом, если школа – второй. Здесь есть драмкружок. А ведь любовь к театру не прошла. Почти во всех постановках участвовала молодая учительница. Главные роли для неё не были неожиданностью. Нужно полностью перевоплотиться, дышать временем пьесы. А для этого опять же читать и читать. Десятки вечеров на репетициях, каждую неделю встреча со зрителем, заседания правления Дома учителя (она член правления), а ведь семья тоже требует внимания. Дочь во втором классе школы с английским языком обучения и занимается музыкой. Во всём требуется помощь и наблюдение. А

почитать интересную книжку, а показать диафильм её маленьким друзьям и подружкам?..

Ах, как хочется самой поиграть на пианино! Когда это удастся, можно считать день праздником. Глаза опять задумчивы. В эти минуты яснее всего видишь те самые тёплые синие лучи из глаз. Они струятся всегда: когда идёт урок, проверяются тетради, родители просят совет, смотрят спектакль зрители, слушают друзья, нежно обнимает дочь.

Она живёт для всех и для меня, потому что она учительница. Поэтому она мой друг. Зовут её Маргарита Николаевна Рожанец. Она преподаёт литературу в пятой ялтинской школе. Впрочем, многое из того, что вы узнали о ней, можно сказать о других учителях.

Да, в то время, когда писался очерк, Рита ещё не сменила фамилию на Санькову. Это произошло позднее, когда чувства были проверены, и расставаться они не собирались. Публикация этого материала в газете сыграла роль в жизни Саньковых. А случилось вот что.

Через некоторое время два писателя, отдохавших в доме творчества Литфонда захотели встретиться с героиней прочитанного ими в газете очерка. Побывали у них в гостях и предложили ответный визит в дом творчества. Там Риту познакомили с Вениамином Каверинным. Она пригласила любимого ею писателя с супругой к себе домой. Так началась их дружба семьями. Каждый год они встречались в Ялте или Москве. А потом знаменитый писатель написал о Петре Сергеевиче очерк. Но сначала в газете «Советский Крым» был опубликован мой рассказ о Санькове.

Мысли над пропастью (рассказ)

География – это не только учебник. Вернее учебник вообще не география, а лишь небольшое введение к ней. Настоящая география познаётся ногами, протаптывающими тропы, руками, строящими мосты через горные реки, глазами, ошупывающими бескрайние просторы Родины. Она начинается на крышах домов самодельными телескопами, обращёнными в заманчивое небо с его неисчислимыми звёздами, планетами, галактиками.

География изучается по сожжённым кострам, испеченной картошке, походным песням. И когда сквозь палаточное оконце едва просвечивают звёздные глаза созвездия Большой медведицы, ноги стиснуты чьими-то рюкзаками, а со всех сторон наваливается тяжёлое дыхание леса, тогда в голове начинают кружиться серые скалы и голубые озёра, зелёные виноградники и мрачные чёрные пещеры. Сердце то замирает от страха, то начинает выстукивать походный ритм. Потом всё путается, расплывается и остаётся что-то монотонное, мешающее спать...

– Петя! Петя! Да проснись же, наконец!

– А? Что?

Первое мгновение ему казалось, что он ещё в палатке, но вспыхнувшая голубым светом настольная лампа сразу привела в себя, и он понял, что находится дома.

– Петя! – голос жены был тревожным. – Слышишь, стучит кто-то? Пойди и узнай кто. Только не открывай сразу. Может, пьяный какой?

– Откуда пьяный в такую ночь? – пробормотал недовольно в ответ, набрасывая халат и подходя к двери, но всё же спросил не открывая:

– Кто там?

– Пётр Сергеевич здесь живёт? Это из милиции. Откройте, пожалуйста. – Пробасил чей-то незнакомый голос за дверь.

Через секунду крепкий парень в форме лейтенанта милиции быстро вошёл в прихожую и, извинившись за столь позднее вторжение, начал торопливо объяснять, что он дежурный по управлению, ему только что позвонили с метеостанции Ай-Петринского плато и сообщили, что группа туристов оказалась в горах, и их руководитель упал со скалы, но, может быть, ещё живой и его нужно срочно спасать.

– А вы, Пётр Сергеевич, – добавил он в заключение, – единственный, кто зарегистрирован у нас горноспасателем. Если задержитесь, позвоним в вашу школу, так что урок, если у вас есть, отменят.

Последнее замечание, очевидно, не было услышано, так как Пётр Сергеевич уже копался в гардеробе, вытаскивая спортивный костюм, брюки, ватную куртку. Дальнейший разговор состоял из коротких, быстрых, как пули, фраз:

– Погода на яйле?

– Метель. Сильный ветер. Мороз пятнадцать градусов.

– А чёрт! Район?

– Точно не знаю. Кажется над водопадом Учан-Су.

– Кто упал? Фамилия.

– Перенеев. Экскурсовод турбазы.

– Володька?! Ритунь, горные ботинки! Ты слышишь, Володька упал? Как же это он? Подробности не знаете?

Лейтенант отвечал из прихожей, боясь войти в комнату где, как он понимал, люди только что спали и жена, очевидно не одета:

– Связь очень плохая. Почти ничего не было слышно. Так что подробностей пока нет.

– Кто поедет со мной? Ритунь, верёвку из кладовки достань, пожалуйста.

– Поедете на ГАЗ-69 с врачом из скорой помощи. Он вас ждёт в машине. Туристы на метеостанции. Они всё расскажут и помогут.

– Сколько их там?

– Человек пять.

Могучего телосложения лейтенанту милиции, на которого и форму трудно было подыскать по размеру, странно было думать о худощавом невысоком человеке, необыкновенно быстро по-военному одевшемся, что именно он собирается ехать кого-то спасать. Что он может с его-то силой учителя географии? Туда бы в горы таких силачей как он сам да несколько. Но дежурство по городу не прервёшь. Это тоже важно. Да и гор он не знает. А этот учитель, очевидно, с горами на ты, поскольку и тени сомнения не возникло в его действиях. Да и не выглядит слабым. Худые-то они жилистые, крепкие.

Пётр Сергеевич наливал коньяк во фляжку из высокого графинчика. Жена, в наскоро наброшенном халате, всё время молча бегавшая то на кухню, то в кладовую, то на веранду, бросила на ходу милиционеру:

– Да вы не стойте там, проходите в комнату.

По фигуре она была под стать мужу, только, что естественно, поженски выглядела нежной и хрупкой. Лейтенанту даже показалось, что видел её где-то, и, напрягши память, вспомнил, что недавно восхищался её игрой на сцене народного театра. Это красивое лицо трудно было забыть.

Заворачивая в газету большой кусок колбасы, сыр и половину буханки чёрного хлеба, Рита подняла глаза на мужа:

– Только я тебя прошу, Петя...

Взгляд был настолько выразительным, что продолжать фразу не было необходимости. Пётр Сергеевич смущённо опустил голову, говоря:

– Знаю, знаю, что ты хочешь сказать. Я не каменный и тоже могу разбиться. Буду осторожен. Но ведь Володька. Вдруг он ещё жив.

Ночные поиски решительно ничего не дали. Яйла гудела под порывами ветра. Не сдерживаемая ни одним деревцем метель носилась по плато, ища себе жертвы, засыпая снегом всё, что встречалось на пути. Ни машина, ни люди не могли двигаться далеко вперёд, не опасаясь свалиться неожиданно в пропасть, которую можно было бы просто не заметить, когда всё кругом бело. И всё же они ездили, ходили, пытались перекричать метель, прислушивались в ожидании чуда: а вдруг он выполз сам и находится где-то рядом? Но чуда не было.

К утру метель успокоилась. Светало. Пётр Сергеевич уже в который раз просил группу туристов, которых вёл Перенеев, вспомнить дополнительные подробности о пути, по которому они шли.

Их было пятеро: три женщины и двое мужчин. Кроме их провожатого Володи, никто в горах раньше не бывал, потому никто не мог точно рассказать, как они, идя из посёлка Счастливое, очутившись на практически бездорожной заснеженной яйле, пытались найти вехи, о которых говорил Перенеев, то есть столбики из камней, указывающих перевал. Володя вёл, и они шли за ним, мечтая о скором спуске, потому что там, как он обещал, не будет ветра.

Потом он остановил их, а сам пошёл к краю яйлы, чтобы сверху увидеть место, где может проходить тропа. Кто бывал в горах зимой, понимает, что покрытые снегом возвышенности очень похожи друг на друга. Кажется, что вот ты уже подходишь к той вершине, с которой увидишь далеко внизу Ялту, но с трудом добравшись до макушки холма, убеждаешься в том, что ошибся: перед тобой ещё яйла и новые вершины, опять нужно спускаться и подниматься вновь.

В этот раз они таки подошли к краю яйлы. Но Володя остановил туристов вовремя, а сам решил подойти поближе. Как он объяснял спутникам, по всему периметру яйла подпирается, как крепость высокими неприступными скалами. Подняться на яйлу даже в летнее время можно практически только по тропам, едва заметным у выхода на плато. Для того и проложены через всю яйлу длинные вереницы опознавательных вех, сложенных из груд камней, которые неопытный турист примет за случайные нагромождения, а не за указательные знаки.

Неожиданно выпавший ранний снег и продолжавшаяся метель не позволяли распознать издали груды сложенных камней. Потому Володя и пошёл к самому краю яйлы, чтобы увидеть обстановку сверху. Но опасны снежные покровы тем, что не видно, находится ли под покровом твёрдая

почва или он навис слипшимся козырьком над бездной. Пиренеев ступил на такой козырёк и сорвался вниз.

Компания туристов, сами рискуя сорваться вслед за руководителем, бросились к краю и видели сверху, как их гид, цепляясь за ребристую стену скалы своим огромным рюкзаком, упал на менее крутую поверхность, что-то вроде перекошенной площадки, тяжело прокатился по ней и остановился, благодаря тому же рюкзаку, упёршемся в какие-то тощие кустики, торчащие из снега.

Они хотели пробраться к нему сбоку и, поддерживая друг друга, даже спустились почти на тот же уровень, но подобраться к площадке, зависшей над пропастью, без специального снаряжения и опыта оказалось невозможным.

Пиренеев сам, увидев их, закричал, чтобы они не смели идти дальше, а выбирались скорее наверх и шли на метеостанцию за помощью. Двигаться Володя почему-то не мог, лишь слегка поворачивал голову. Он рассказал им, как найти метеостанцию, и они поспешили уйти. А чтобы заметить место, они бросили в снег перчатки и долго видели их чернеющие точки на белоснежном покрове.

Пётр Сергеевич не мог спокойно слушать об этих перчатках. Как могли они, эти взрослые люди, не сообразить, что теперь, занесенные слоем снега перчатки даже собака не найдёт по запаху? Неужели не могли они скатать снежную бабу или просто столб из снега, который можно было бы увидеть даже в темноте? И вот теперь, когда наступило утро, он должен соображать или интуитивно догадываться, куда мог повести группу в снежную погоду его товарищ, хорошо знавший что такое яйла с её вечными капризами.

Они сели в машину и поехали, пока позволяло предполагаемое ровное место. Дальше пошли пешком.

Сколько выступов, сколько скал на подступах к величественному зрелищу, открывающемуся тем, кто их осилит на пути к яйле! Нет, нелегко подняться на могучую крепость природы. Тут и сила нужна, и мужество не сдаться, и ловкость. Может, потому люди и стремятся на высокогорное плато, чтобы увидеть богатство яйлы, вдохнуть на высоте чистый воздух и почувствовать себя сильнее, мудрее, возвышеннее.

Но каждый год остаются в горах жертвы незнания, неумения, жертвы случая. Как помочь избежать их? Как найти в море скал, занесенную снегом фигурку человека?

Помогла интуиция. Какая-то сила тянула Петра Сергеевича именно к этому выступу в районе водопада Учан-Су. Казалось ему, что Володя должен был вести к Узеньбаишской тропе, но мог же оказаться и возле Штангеевской. И хоть спутники уверяли в один голос, что не помнят этого места, Пётр Сергеевич решил посмотреть здесь. Первый раз в горах эти люди, измученные ночными поисками, уставшие до смерти, что они могли сейчас вспомнить?

Долго всматривался он в маленький холмик внизу, пока убедился, что это человек. Раздался вздох облегчения, но не был он радостным. Не очень приятно вытаскивать покойника, хоть и искали его столько времени. А в том, что упавший со скалы и пролежавший всю ночь в снегу человек замёрз и больше не встанет, никто не сомневался.

Приготовления были недолгими. Пётр Сергеевич снял с пояса верёвку, показал, как её держать, когда он будет спускаться, чтобы не ударить его о скалу, надел рюкзак, обвязался, как положено, чтобы верёвка шла от пояса перед лицом, и начал спуск.

Как оказалось, верёвка была не достаточно длинна. Её хватило только до площадки, на которой лежал Пиренеев, но не до него самого. Стало быть, дальше придётся идти без страховки. Этого он не ожидал. Отвязался и присел на минутку, оценивая обстановку.

Перед ним километрах в десяти по прямой лежала Ялта, едва просматривавшаяся сквозь проплывавшие облака. Моря не было видно вовсе, как и небо, скрывавшееся за тучами. Будь это лето, довелось бы восхищаться неопишуемой красотой. Да и сейчас было бы не плохо при других обстоятельствах. Всё-таки, когда оказываешься выше облаков, возникает волшебное ощущение присутствия в раю. Если бы, конечно, не то, что предстояло сейчас.

Спуск до края площадки был крут. Дальше пропасть. Самому бы не свалиться. Вспомнились глаза Риты. Как чувствовала. Да, надо быть осторожным. Конечно, когда идёшь к живому человеку, не так задумываешься, мысли летят, решения принимаются мгновенно, почти автоматически, а тут... Не очень-то приятно вытаскивать ледяное тело. Одно сознание того, что твой бывший товарищ никогда больше с тобой не заговорит, само по себе страшно. Но ведь он жил, любил, что-то делал, был частью общей жизни и теперь должен быть похоронен с честью. Таков обычай у людей – помнить каждого и каждому положить цветок на могилу смоченный слезами памяти.

Секунды, ушедшие на эти мысли, показались вечностью тем, кто остался наверху. Но вот Пётр Сергеевич начал медленный спуск, осторожно, почти символически держась за хрупкие веточки торчащих из снега кустиков. Кто-то, а учитель географии, исходивший немало троп по горам Крыма, не раз спускавшийся в самые труднодоступные места, открывая новые пещеры и гроты, хорошо знал цену таким кустикам, что могут легко надломиться в мороз или вовсе вырваться из неглубокой почвы. Хотя если это молодая поросль крымской сосны, то корнями она держится очень крепко. Тут уж надо различать, что, где и как растёт. Пётр Сергеевич это умел и тому учил своих учеников в походах.

Когда спускаешься вниз по склону горы, не видишь сверху ни зацепов, ни выступов. Такова специфика спуска. Земля кажется гладкой. А тут ещё снег всё покрыл. Дополнительная сложность. Но горные ботинки не первый раз выручали своего хозяина, находя на ощупь неровности там, где их вовсе не видел глаз.

Из плена висящих туч над самой Ялтой неожиданно вырвалось солнце и начало слепить глаза. «Ещё новость, – подумал с досадой Пётр Сергеевич. – Пришло ясно солнышко совсем некстати. Да, но это значит, что уже восьмой час. Теперь внимание, как бы не столкнуть случайно рюкзак Володи, на котором он, кажется, держится».

Находясь рядом с телом, можно было легко различить под снегом ноги, руки и голову Володи. Он лежал, согнувшись лицом к скале и, наверное, не видел, что зацепился на самом краю обрыва.

Пётр Сергеевич укрепил как следует ступни своих ног, чтоб не заскользили, наклонился над телом товарища и стал смахивать снег с лица, воротника, плеч. На Володе было кожаное пальто с тёплой меховой подкладкой и меховым воротником. Слой снега оказался небольшим. Видимо, здесь не так мело.

Мелькнула мысль: «Взяли бы второй моток верёвки на метеостанции, хватило бы прямо сюда. Легко вытащили бы тело за ноги. А тут придётся самому вверх тянуть. Ну, сам виноват. На такое расстояние не рассчитывал. Сколько здесь? Метров двадцать пять тире тридцать? Не так-то просто. Вчера днём до метели было солнце. Очевидно, могло подтаять, а ночью ударил мороз. Потому и наст твёрдый, хоть и мело потом, но именно здесь, на площадке, меньше. Не соскользнуть бы. Ну да пора начинать».

Боясь резких движений, стал выпрямлять согнутые в коленях ноги Володи. В этот момент раздался тихий стон. Мороз пробежал по коже Петра Сергеевича. Глянув в лицо Перенеева, он увидел, что глаза его открыты.

– Ты жив, жив, чёрт возьми?! – изумлённо воскликнул он. – Володька!

Ещё немного припорошённые губы шевельнулись, как бы борясь со сковывающим морозом:

– Пить, Петя, – прошептали они.

Пётр Сергеевич засуетился. Слово он сам ожил, и нет теперь для него ничего в этом мире, кроме товарища живого, беспомощного на краю пропасти. Он даже засмеялся от неожиданной радости и заговорил ободряющим голосом:

– Ах ты! Жив чёрт! Ну и ну! Тут у меня коньячок. Он тебя согреет.

Быстро скинул со спины рюкзак, достал флягу и, протягивая её ко рту Володи, продолжал говорить:

– На вот, брат, глотни. Да осторожнее, не поперхнись. Не разучился, небось, пить-то? И колбаской закуси. Только не двигайся пока, а то, честно говоря, нам с тобой загреметь отсюда легче, нежели коньяк выпить.

Володя глотнул напиток, вдохнул запах колбасы, но есть отказался, слегка качнув головой:

– Воды, Петя, дай или кофе.

– Да я не взял. Вот ты беда! Кто ж знал, что ты, дурень, ещё живой? Понесла тебя сюда нелёгкая. Ну ладно, надо скорее выбираться. Там попьёшь.

Тридцать метров пути к верёвке были более чем вечность. Сам Володя не мог двинуть ни рукой, ни ногой. Как потом выяснилось, при падении удары о скалу оказались чувствительными, два ребра сломаны.

Пётр Сергеевич долго пыхтел и отдувался, пока, наконец, перевернул большое грузное тело Володи на живот, отцепив предварительно от него рюкзак. Нужно было как-то тащить человека вверх, но это казалось невыполнимым. Володя громко стонал и терял сознание при каждой попытке потянуть его за руки. Перекачивание Пётр Сергеевич исключил сразу после того, как намучался переворачиванием на живот.

– Не знаю, не знаю, – говорил он, – тут тебе и подъёмный кран не поможет. Проще шлёпнуться обоим вниз, и дело с концом.

Но шутки шутками, а положение было критическим. Два паренька, оставшиеся наверху, ничем помочь не могли. Женщин и врача скорой помощи отправили в Ялту перед утром, когда потеряли надежду найти Володю живым. Отправлять кого-то из ребят к далеко оставленной машине, Пётр Сергеевич не рискнул. Опять кто-то потеряется по неопытности. Приходилось рассчитывать только на себя.

Родилась идея толкать туловище сзади. Пётр Сергеевич достал из кармана перочинный нож, выкопал им две ямки в снегу и осторожно передвинул в них колени Володи. Затем, рискуя соскользнуть вниз, изо всех сил стал толкать и сдвинул-таки тело на несколько сантиметров. Это был маленький, но успех. Другого выхода он не видел. И толкал сантиметр за сантиметром. Перчатки были не нужны: руки горели при копке ямок и выгребании снега, всё тело истекало потом от усилий.

Володя поминутно терял сознание при каждом резком движении. Иногда Петру Сергеевичу казалось, что он сам потеряет сознание от усталости. Тогда он прекращал работу и начинал рассказывать Володе любопытные, как ему казалось, истории из своей биографии, чтобы хоть чем-то отвлечь Володю от собственных страданий. А может, просто хотелось выговориться и не думать о пропасти за спиной.

– Ты знаешь, – говорил он, – что я был на войне совсем мальчишкой. Ушёл воевать, как говорится, досрочно. Сделали из меня в полку связиста. Всю войну тянул связь. Катушку на спину и пошёл. Ещё там заметили, что у меня чутьё на самый короткий путь. Вот и тебя быстро нашёл утром. А то бы каюк тебе. Ну, так вот.

Однажды произошёл со мной смешной случай, за который даже орден дали. Тянул я, как обычно, провод лесом. Подхожу к дороге. Вижу, по ней солдат на мотоцикле едет. Далеко ещё от меня. А наша часть была буквально за пригорком. Вот я и думал, что это кто-то из наших едет. А как только он подкатил ближе, моё сердце и ёкнуло. Вижу, фриц с автоматом на груди катит.

Перепугался я, страшное дело. Из своей винтовки мне и стрелять-то не приходилось. Но всё же схватил я её и на немца. «Стой!», – кричу, а сам затвором щёлк! Однако то ли с испугу, то ли ещё почему, но не мог я заслать патрон в ствол, застряла пуля, хоть тресни.

Немец за автомат схватился, а мотоцикл нырнул на всём ходу прямо в обочину. Немец кувырком, мотоцикл через обочину на меня, я падаю. Короче, все лежим. Только я вскочил всё же первым. Более живучий, значит. А немец лежит. Хватаю опять свою винтовку и кричу ему, чтоб поднялся.

Не знаю, что бы дальше было, если бы на мой крик наши ребята не прибежали. Немец оказался офицером. Вёз он пакет к себе в штаб, да я на дороге поперёк горла ему встал.

Самое смешное в этой истории то, что офицера этого надо было доставить в нашу часть, а так как я ездить на мотоцикле не умел, немца посадили за руль, а меня сзади. Никогда не видел, чтобы язык сам себя вёз в плен. Второй раз я тогда рисковал. Ведь немчуря мог меня запросто скинуть или ещё что выдумать. Но обошлось. Потом орден дали. Как ни как, а языка я взял.

Пётр Сергеевич усмехнулся воспоминаниям, встряхнул плечами и сказал:

– А теперь пойдём снова вверх. Напрягись и пошли.

И снова сантиметры за сантиметрами, скрипя зубами, роя мёрзлые ямки немеющими пальцами. На пол пути Володя в который раз вспомнил про свой помазок.

– Слушай, Петя, я тебя очень прошу, пощи мой помазок. Он лежал в боковом кармане рюкзака и наверняка вывалился. Как же я буду бриться?

– Да я тебе новый куплю, если вылезем.

– Нет-нет, уж ты пощи, пожалуйста. Это мне память с фронта. Я всю ночь о нём вспоминал.

– Это уму непостижимо, – думал Пётр Сергеевич. – Человек лежал на краю пропасти, мог уснуть и не проснуться никогда, так, подишь ты, думал о каком-то несчастном помазке для бритья. А что, может, он и был ему той свечой в сознании, что не дала ему угаснуть. Придётся поискать. Ничего не поделаешь

Он оставил Володю отдыхать, приказав не пытаться двигаться, и спустился к оставленным внизу рюкзакам. В карманах рюкзака действительно помазок не нашёлся. Пришлось шарить по снегу поблизости.

– Кто его знает, – думалось, – возможно, что он вывалился ещё наверху, и его тут сто лет не найдёшь? Но этот Володька словно с ума спятил, только о помазке беспокоится. Тут не знаешь, как самим выбраться, а ему подавай помазок.

Вообще-то он просто так про себя злился, а по сути его не очень удивил такой заскок товарища. Ему вспомнилось, как однажды его с группой скалолазов попросили помочь обезопасить трассу Ялта-Севастополь, над которой высоко в горах нависли камни, готовые в любую минуту сорваться на проносящиеся под ними машины. Тогда они погрузили в рюкзаки динамит и, избегая резких движений, медленно продвигались к указанному району.

Во время одного из привалов там, где тропа разрывалась каменистой осыпью, самый отчаянный среди них Иван Раду, румын по национальности, решил неожиданно в два прыжка добраться до продолжения тропы, чтобы потом всех перетащить туда на верёвке. Однако камень, на котором Иван рассчитывал удержаться на мгновение в первом прыжке, не устоял и секунды, сорвавшись с потоком более мелких вниз. Естественно Иван тоже понёсся с ними.

Верёвка, привязанная к его поясу, змеей заскользила из-под ног изумлённых неожиданностью друзей. Пётр Сергеевич успел ухватить её, и она огнём обожгла кожу, стремительно вырываясь из рук. Но он, стиснув зубы, держал рвущуюся из рук верёвку, пока не остановил её бег.

Лавиной песка и камней Иван был засыпан полностью. Все решили, что потеряли друга, когда из-под продолжающих сыпаться камней вдруг появилась сначала рука, а затем встрёпанная голова Ивана. И первое, о чём он спросил, не успев выбраться из каменного плена, не видел ли кто, где упали его очки, так как без них он плохо видит.

Воспоминания опять рассмешили Петра Сергеевича. В тот раз он содрал кожу на руках. Очки, как ни странно, они нашли, правда, без стёкол, но Ивана это успокоило.

Вот и сейчас нужно было найти помазок, даже если он никуда не годный. К счастью он всё-таки нашёлся в снегу. Везучим был всё-таки Пётр

Сергеевич. Короткая ухмылка коснулась губ, и он полез вверх, таща за собой оба рюкзака, чтобы хоть эту половину пути не повторять снова.

Последние метры пути Володя почти всё время терял сознание, заставляя Петра Сергеевича останавливать движение и прикладывать снег ко лбу и щекам Володи, растирая, чтоб не замёрз. Приходилось дольше отдыхать.

Южное декабрьское солнце светило во всю, когда, в конце концов, Пётр Сергеевич обвязал верёвкой Перенева, протянув её по всем правилам под руками и закричал ребятам наверху:

– Тяни-и-и, но медленно и без рывков!

– Обессиленный он сел на рюкзак и наблюдал, как поднимали Володю. Тянули, конечно рывками. Но ведь и в этом нужна сноровка и сила, а откуда они у тех, что наверху?

Нескоро, ох как нескоро опустилась опять верёвка. Пётр Сергеевич обвязался, затянув зубами узел на груди, надел по бокам рюкзаки, чтобы не так биться о выступы, и из последних сил крикнул:

– Тяни-и-и!

Он почти шёл по скале, как и положено, но до чего же это было трудно после четырёхчасового путешествия с Володей по площадке над пропастью. Ну всё, всё. Последние сантиметры.

– Самое смешное, – подумал он, – если бы сейчас оборвалась верёвка. А что, бывает и такое. Но только не с этой, его, выдавшей вида верёвкой. Она не оборвётся. Вот и всё.

Он подхвачен руками и стоит на самом верху. Несколько шагов вперёд, подальше от края, туда, где уже на носилках лежит Володя.

Потом они шли к машине. Ребята несли Володю, положив носилки себе на плечи, а Пётр Сергеевич, как всегда, вёл группу вперёд. Здесь нельзя было ошибиться. Ну да, вон машина. Пётр Сергеевич вытянул руку, показывая куда надо идти, споткнулся и осел в снег. В голове всё закружилось, куда-то поплыло, и он упал в ночь. Он не слышал, как его самого несли, как укладывали в машину рядом с Володей, но на губах до самого пробуждения оставалась усмешка, как будто он продолжал думать: «Везёт же тебе, Пётр Сергеевич».

Рассказ получил тогда премию в конкурсе «Наш современник». К этому времени мы уже тринадцать лет как дружили нашими семьями. Жили теперь по соседству и были частыми гостями друг у друга. Не редко бывали вместе в горах. Проводником, конечно, был Пётр Сергеевич. Там он всегда попадал под обстрел наших шуток над ним. Троп в лесу много. Они часто пересекаются. Случалось порой шли мы не по той тропе, и потом приходилось возвращаться. Ну, тут уж не обходилось без упоминания проводника Ивана Сусанина и путешественника Жака Паганеля. Пётр Сергеевич при этом смущённо чесал в затылке, извиняясь за оплошность, и находил верный путь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.